Научно-популярная
БИБЛИОТЕЧКА
по атеизму

С. Г. СТРУМИЛИН

БОГ

и свобода

Академик
С. Г. Струмилин

БОГ И СВОБОДА

О ВЕРЕ И НЕВЕРИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1961

2
С87

Совместимы ли религия и духовная свобода человека? Этому вопросу посвящена книга известного советского ученого, академика С. Г. Струмилина. Прекрасное знание религиозных текстов, широкая эрудиция, оригинальные выводы и обобщения позволяют автору убедительно доказать несовместимость упований на бога с подлинной духовной свободой человека, строящего коммунистическое общество. Яркими и сочными красками автор показывает, что идея бога с ее духом рабского смирения и покорности исключает свободу с ее требованием все перестроить, обновить, усовершенствовать.

Книга рассчитана на самый широкий круг читателей, узнать мнение крупного ученого о религии будет интересно и каждому верующему. Автор и редакция просят присылать свои отзывы о книге по адресу: Москва, А-47, Миусская площадь, д. 7, редакция литературы по научному атеизму.

ОТ АВТОРА

Нет, пожалуй, более далеких и противоположных по своему значению понятий, чем «бог» и «свобода». Они исключают друг друга. И вокруг них все чаще разгорается острая идеологическая борьба. Мы знаем, что судьбы социального соревнования экономических систем решаются темпами роста их производительных сил. Но устаревшие идеи сохраняются значительно дольше породивших их общественных условий. И в идеологической борьбе за их изживание нам предстоит еще сломать много стрел и копий.

Идея бога начисто исключает свободу, ибо богу, по учению религии, должны быть подчинены не только все действия, но и все помыслы людей. Это самый высокий и ничем не ограниченный авторитет, предполагающий беспрекословное, *рабское*[1] ему подчинение. Как известно, одно из наиболее влиятельных — *христианское* вероучение получило даже свое начало и распространение как раз в античном рабовладельческом обществе и в самых низах его, в среде рабов. Положение их в атмосфере всеобщего бесправия было отчаянным. Все восстания их неизменно кончались поражениями. Вступая в христианскую общину, они и в ней чувствовали себя *рабами божиими*, высшей добродетелью которых считались *покорность и смирение*, и утешали себя надеждой получить за них воздаяние в фантастической загробной жизни.

Дух рабского смирения и покорности, внушаемый этим вероучением всем его приверженцам, всегда служил делу реакции, противодействуя естественным устремлениям всех трудящихся к возможно полной свободе.

С тех пор утекло много воды. В борьбе за религиозную, гражданскую и политическую свободу про-

---

[1] Курсив здесь и далее в книге мой.— *С. С.*

текла и реформация и целый ряд победоносных революций, но и в нынешней расстановке классовых сил в империалистических государствах почти все столпы церкви — и на папском престоле, и на светских постах — остаются на самом правом фланге буржуазной реакции.

Рост производительных сил, науки и техники все расширяет рамки возможностей человека в его борьбе со слепыми силами природы. Неудержимая победа коммунизма дает нам невиданный миром скачок из царства необходимости в царство свободы. Но на стыках между божественным авторитетом и свободой, верой и неверием, заблуждениями и наукой предстоит еще немало острых и горячих споров, ибо они решаются не принуждением, а убеждением, и потому последнее в них слово скажет Разум.

В нашей литературе есть великолепный образ яркого вольнодумца из народа — былинного героя Васьки Буслаева. Этот новгородский удалец *не верил*, по свидетельству былины, *«ни в сон, ни в чох, ни в птичий грай»*. Он смело шел вперед и бил в голову даже олицетворявшего весь авторитет церковной власти «старчища-пилигримища», когда тот становился ему поперек дороги. Он не знал никаких преград и дерзко смеялся над всеми предрассудками своего века, успешно перепрыгивая, наперекор всяким заветам и запретам, через величайшие его «святыни». Но когда этот смельчак, не довольствуясь своим успехом, захотел перепрыгнуть через заветную преграду еще и задом наперед, вслепую, он, по сказанию былины, споткнулся и погиб, став жертвой своей не знавшей удержу буйной удали.

И нам предстоит на нашем пути перешагнуть немало мещанских «святынь». Но без яркого светоча знания, вслепую этого не следует делать, если не хотим споткнуться. Вот почему едва ли окажется излишним предлагаемый очерк, в котором мы пытаемся показать, что такое бог и что такое свобода, как беспощадно ее преследовали жрецы и святители всех времен и народов и как ее следует отстаивать всем истинным друзьям народа, всем честным борцам за рабочее дело и идеалы коммунизма.

ГЛАВА I

УРОКИ РЕЛИГИОЗНОГО ПРОШЛОГО

Международный рабочий класс, стоящий в центре современной эпохи и более всех других испытавший на собственном опыте всю тяжесть ограничений в свободе мнений и убеждений, отстаивает везде и для всех самую широкую свободу совести.

В СССР и во всей мировой социалистической системе свобода совести является нерушимым законом[1]. В социалистическом обществе не может быть гонений за веру, ибо нет господствующей церкви, располагающей властью принуждения к чему-либо насилием и преследования инакомыслящих. Однако современным верующим могут оказаться очень полезными уроки прошлого из истории всех церквей. Все пасомые должны знать, как ведут себя их духовные пастыри, когда обретают большую власть над своей паствой.

Не вредно верующим познакомиться и с вероучениями различных других религий, хотя бы для того, чтобы лучше *оценить* свое собственное. Еще важнее, однако, для них познать, чем вообще *отличается* всякая *вера* от подлинного *знания,* познать, что, в сущности, область веры кончается как раз там, где начинается область научного знания, и что уже поэтому расширение сферы наших знаний означает неизбежное сужение области веры.

Для признания истины, что в равнобедренном треугольнике углы при основании равны или что $2 \times 5 = 10$, не требуется «веры», ибо мы это твердо *знаем* и в любое время можем *доказать.* Но если бы какой-либо школьник стал утверждать, скажем, что $3 = 1$,

---

[1] «В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами»,— гласит статья 124 Конституции СССР.

то учитель наверное назвал бы такое утверждение абсурдом и оценил знания этого школяра баллом не свыше единицы. А вот учителя церкви учат другому. И например, один из них, Тертуллиан, отнюдь не отрицая явной абсурдности некоторых учений церкви, подобных догмату о троице единосущной $(3=1)$, утверждал все же: «Верую, потому что абсурд». Но искренне верить в абсурд — трудная задача. И другие святители в подобных же случаях предпочитают иную формулу: «Верую, господи, *помоги моему неверию!*».

Во всяком случае, «верить» им приходится лишь в то, что не поддается познанию, что недоказуемо или что даже явно противоречит, как «чудеса» всякого рода, всей сумме наших знаний. Но, вступая в явные противоречия с наукой, «вера» в абсурды вынуждена ныне либо отступать перед ней в дебри философского идеализма, либо суживать круг своих приверженцев самыми легковерными элементами наименее просвещенных слоев народа.

Идеализму наносит сокрушительные удары наука, а верующих надо убеждать. И мы должны им показать, что такое бог и свобода, откуда пошла эта исконная вражда между верой и знанием, кровавыми следами которой затенена вся история. Им следует воочию убедиться, насколько непримиримо понятия «бог» и «свобода» сталкиваются друг с другом на протяжении веков, развеваясь на знаменах всегда враждебных друг другу лагерей.

Посильному уяснению всех этих вопросов и посвящены последующие строки. Пусть же имеющий уши слышать — слушает и не лишенный способности соображать — соображает.

1. О свободе совести

Передовые рабочие всегда стояли за требование свободы совести не для того, конечно, чтобы освободить людей от подчинения совести, а для того, чтобы освободить самое совесть от подчинения религии.

Они убеждены, что, чем наша совесть будет свободнее от религиозных принуждений, тем громче и властнее заговорит она *внутри нас*, а стало быть, тем больше будет правды и любви в человеческих отно-

шениях, тем меньше в них останется лжи и лицемерия.

Против религиозных принуждений выступали и христиане во времена апостольские, когда им еще самим приходилось терпеть гонения за веру. В те времена христианам был еще близок и понятен смысл слов своего мифического учителя, сказанных им в ответ на удар по лицу во время допроса о вере у первосвященника Кайафы: «Если я сказал худо, покажи, что худо: а если хорошо, что ты бьешь меня?» (Иоанн, XVIII, 23).

Эти слова ясно выразили мысль, что против правды не могут считаться сильнейшими кулачные аргументы. И подобного взгляда не могли, конечно, не разделять и все первые христиане, подвергавшиеся гонениям. И они действительно отличались широкой терпимостью к чужим мнениям. Уже тогда, конечно, возникали разные ереси, то есть более или менее важные разномыслия, в их собственной среде. Но христиане того времени не пугались этого и не спешили воздвигать костры для своих инакомыслящих братьев. Наоборот, они признавали такие разномыслия вполне естественным и даже, в известном смысле, желательным явлением. «Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные»,— говорится в писании (1 коринф., XI, 19). Иначе говоря, разномыслия желательны, потому что они ведут к спорам, а в спорах выделяются более «искусные», даровитые люди, которые лучше других способны разъяснить всем наиболее темные места вероучения. Когда же эти разномыслия становились слишком глубокими, когда кто-нибудь из членов церкви, то есть собрания верующих, вел себя совсем уже не «по-христиански», тогда его «отлучали» от церкви, то есть попросту удаляли из своей среды.

Гонимые за веру христиане были сторонниками свободы совести. Но дело резко изменилось, когда христианство из гонимой стало господствующей в государстве религией. Это случилось спустя около четырех столетий после появления христианства, когда римское правительство решило использовать его в своих интересах и приняло христианскую церковь под свое покровительство. Всякие гонения на христиан, конечно, прекратились. Их наиболее влиятельные па-

стыри заняли важное положение при императорском дворе в качестве высших царских советников. Но там, окруженные царскими почестями и богатством, они мало-помалу развращались, утрачивая одну за другой все добродетели, и превращались в заурядных чиновников правительства.

С течением времени этот союз церкви и государства все укреплялся. Правительство, опираясь на свою военную силу, оказывало неисчислимые услуги духовенству. Духовенство, в качестве истолкователя слова божия, не оставалось в долгу, укрепляя в народе веру в святость и божественное происхождение светской власти. Одним словом, рука руку мыла!

Конечно, по мере того как учение первых христиан стали использовать на потребу правительства, приспособляя его в качестве орудия закрепощения народных масс господствующим классом государства, первоначальный демократический дух этого учения отлетал. Оставались лишь буквы, которые истолковывались и так и эдак. Это вызывало протест угнетаемых мирян, и они не раз пытались отстоять свое духовное понимание христианства. Но властный союз князей церкви и «мироправителей века сего», ухватившись, как за знамя, за мертвые буквы, всей тяжестью своей власти обрушивался на каждого, кто, не падая ниц перед буквой, смело истолковывал их по-своему, не так, как это было угодно сильным мира сего. Некогда гонимые пастыри церкви теперь сами располагали властью преследования. И вот мертвые буквы учения стали воистину «смертоносными».

2. Религиозные гонения на Западе

Ни одному языческому идолу, даже наиболее «кровожадным» из них, даже Ваалу или Молоху, не было принесено в жертву столько человеческой крови, сколько ее пролили христианские пастыри в защиту буквы своего учения, пролили во имя того бога, который, по свидетельству писания, есть не что иное, как сама воплощенная любовь... Вспомним хотя бы о тех морях крови, которые с Христовым именем на устах были пролиты во время многочисленных крестовых походов против арабов и турок за «освобождение»

Иерусалима. Что это были за войны! Когда в конце концов христианское рыцарство взяло штурмом Иерусалим, то ярость завоевателей-христиан не знала никаких пределов. Преследуя своих врагов по пятам, опьяненные победой крестоносцы ворвались за ними в мечеть Омара и пролили здесь «столько человеческой крови, что отделенные от корпусов руки и ноги плавали в храме». В храме же Соломона, то есть на том самом месте, где некогда Иисус, по преданию, выступал с проповедью любви и всепрощения, христианские рыцари в этот день «ходили в крови по колено всаднику и до уздечки лошади».

Эта кровавая баня, подготовленная по почину церкви, сулившей устами своих архипастырей райское блаженство всем крестоносцам за их жестокое усердие, предназначалась все же для арабов, почитаемых исконными врагами христианства. Но крестовые походы устраивались по призыву церкви не только против арабов и турок. Вспомним известный поход XIII века в Южную Францию против тамошних еретиков — альбигойцев, жителей г. Альби. Святые отцы, руководившие этим поголовным истреблением, лишь командовали: «Бейте всех насмерть. Господь знает своих». Или, говоря проще, бейте, не разбирая правых и виноватых. Бог сам сделает на том свете нужную разборку. Здесь уж, по этой команде служителей Христовых и с его именем на устах, брат выступал на брата, француз убивал француза, христианин — христианина. Столь же братоубийственными были войны против гуситов в Чехии в XV веке. Такими же были и все религиозные войны в Германии времен реформации.

Такое же братоубийственное побоище во славу божию представлял собой тот массовый погром еретиков во Франции, который известен в истории под именем Варфоломеевской ночи. Мы не станем его описывать. Еврейские погромы в царской России, хотя и в меньшем масштабе, дают вполне достаточное представление о подобных событиях.

Напомним, наконец, читателю о том, что представляла собой так называемая святейшая инквизиция, это высшее судебное учреждение церкви по делам о ересях. Полного своего расцвета это учреждение достигло к концу XV столетия. Однако духовенство еще

в середине XII века владело уже сфабрикованным им на сей предмет подложным указом императора Грациана (жившего в IV веке), по которому якобы признавалось вполне законным «принуждать людей к добру, пытать и казнить еретиков и конфисковать их имущество» [1]. На практике же эта теория нередко применялась и гораздо раньше. Какова должна быть эта практика при общей грубости средневековых нравов, можно судить хотя бы по тому, что даже кротчайшие люди того времени, вроде французского короля Людовика Святого, в делах веры были кровожаднее диких зверей. Этот «святой» король принимал за правило, что ни один христианин не вправе отвечать на какие бы то ни было возражения против веры иначе, как *распарывая живот* виновному. Своим подручным монахам-инквизиторам этот «святой» без малейших укоров совести позволял заживо замуровывать свои жертвы. Известный ученый Ренан замечает по этому поводу, что даже язычник Диоклетиан не делал ничего подобного.

Мы не станем, однако, распространяться здесь о методах религиозных увещеваний, принятых по отношению к «заблудшимся» у отцов инквизиторов, увещеваний, обычным припевом которых было напоминание: «А если ты не хочешь этому верить, то смотри на пылающий огонь, в котором поджариваются твои товарищи...» Мы не в силах описать все ужасы утонченных пыток и истязаний, которым святые отцы подвергали так называемых еретиков и иноверцев, прежде чем возвести их на костер и заживо сжечь «ради вящей славы божией». Достаточно будет привести следующее сравнение. В языческом Риме за время «великого» гонения христиан при Диоклетиане погибло до двух тысяч христиан. Но тогда господствующей религией было язычество. Когда же государственной церковью стала христианская, то в одной лишь Испании,

[1] При этом решительно отвергающем всякую свободу совести взгляде, для освящения которого в глазах паствы авторитетом древности в XII веке требовался подлог, римские духовные пастыри неизменно пребывают и поныне. По крайней мере, еще в известном папском послании, или энциклике, от 8 декабря 1864 г. решительнейшим образом осуждается «крайне вредное и безумное мнение, что свобода совести и богослужения есть право каждого человека».

этой стране «христианнейших» королей, и притом только за 18 лет, духовник королевы Изабеллы монах Торквемада успел спалить на кострах 18 908 человек да истязал разными другими способами еще 95 603. Всего же в Испании с 1481 по 1808 г. насчитывают до 345 626 жертв инквизиции. А сколько их было в других христианских государствах? Там их не считали.

Не мешает добавить к этому, что все имущество изобличенных в ересях отбиралось у них и поступало в пользу отцов инквизиторов и королевской фамилии. Это в значительной степени объясняет нам столь неимоверное усердие святых отцов и их высоких покровителей в исполнении роли палачей.

Немалый доход князьям церкви доставляла, впрочем, и предварительная страховка богатых мирян от привлечения их к суду инквизиции. Дело в том, что попасть в лапы этого почтенного учреждения было гораздо легче, чем вырваться из них целым и невредимым. Чтобы попасть туда, вовсе не нужно было быть непременно еретиком: для этого достаточно было самого легкого доносика. Святейшая инквизиция тотчас же принималась за исследование «с пристрастием», и, если объект оказывался с «пушком», найти за ним «вину», чтобы ощипать этот пушок, было уже полдела. Немудрено поэтому, что во избежание таких неприятностей каждый зажиточный мирянин спешил застраховать себя от инквизиции, как иные страхуются от огня, покупкой у высших духовных властей по вольным ценам так называемой «диспенсации», или, говоря иначе, свидетельства о религиозной благонадежности.

Весьма распространенной также была беззастенчивая торговля церкви индульгенциями, то есть свидетельствами о прощении грехов нескупящимся грешникам. От продажи индульгенций святые отцы в средние века извлекали огромные доходы. За отпущение любого греха достаточно было лишь уплатить святой церкви небольшую мзду по твердо установленной таксе. Например, убийство рядового мирянина возмещалось по таксе уплатой всего в 5 гроссов [1]. За ту же

[1] *Гросс* — 0,1 дуката. Дукатом называлась золотая монета весом в 3,44 *г*. В России дукат под названием червонца чеканился до 1885 г. и расценивался в 3 руб. золотом; значит, гросс не превышал 30 коп. золотом.

цену отпускался грех прелюбодеяния с сестрой и даже с матерью. За убийство отца или матери плата повышалась всего до 6 гроссов. За ту же сходную плату — в 6 гроссов мирянину разрешались на выбор: скоромная еда в великий пост, или тайное ростовщичество, или явный грабеж и поджигательство, или клятвопреступление, или растление девушек, или содомский грех, или даже прелюбодеяние в церкви. Священникам разрешался содомский грех, при этом только за 7 гроссов, а монахам — за 8. За убийство священника или монаха такса повышалась до 9 гроссов. Можно было получить отпущение грехов и оптом, авансом за целую пятилетку, или даже право безнаказанно грешить пожизненно. И такая «вечная» диспенсация на одно лицо расценивалась в 16 гроссов, а на брачную пару — в 18. Уплатив эту мзду, грешник мог уже безбоязненно совершать любые злодеяния, ибо святая церковь авансом гарантировала ему их безусловное всепрощение и райское блаженство с супругой в загробной жизни.

Можно себе представить моральный уровень святителей, всем авторитетом церкви освящавших такую практику. Они сами толкали своих сограждан на злейшие дела. Их таксы как будто приглашали всех желающих:

— Не угодно ли вам изнасиловать вашу юную сестрицу? Цена 1 рубль 50 копеек. Или, может быть, вы предпочитаете зарезать вашу старенькую матушку? Пожалуйста, давай рубль восемьдесят!

3. Религия и наука

Святые отцы, бравшие на себя роль судей сердец человеческих, весьма мало были к этому способны. До чего они были невежественны, можно судить хотя бы по такому примеру. В 1601 г. отцы инквизиторы предали суду в Лиссабоне одну обученную фокусам лошадь. Они признали ее одержимой бесом, осудили и торжественно предали это «еретическое» животное аутодафе, то есть сожжению на костре. Впрочем, невежественно было, за редким исключением, все духовенство. Но это вовсе не мешало ему быть чрезвычайно изобретательным и дальновидным, чуть только

дело касалось того, как сохранить за собой влияние на народные массы и извлекать из них доходы.

«Для того чтобы произвести впечатление на народ,— писал еще в IV веке святой Григорий Богослов блаженному Иерониму,— нужна только болтовня; *чем меньше народ понимает, тем больше он изумляется и преклоняется*». В этих словах заключается очень мудрый рецепт. И вот духовенство, следуя этому рецепту, прежде всего поставило своей задачей, чтобы народ возможно меньше понимал.

В противовес утверждению всех друзей человечества, что знание — сила, святые отцы выдвинули свое, по которому неведение — мать благочестия, и воздвигли гонение на науку. Так, например, когда в 1543 г. вышло в свет знаменитое сочинение Коперника, в котором он впервые доказал общеизвестную ныне истину, что земной шар вращается вокруг Солнца, а не Солнце вокруг Земли, как это кажется с первого взгляда, то церковь немедленно осудила это его учение, как ложное и «совершенно противное священному писанию». Сочинение стало надолго запрещенным и недоступным читателям. Сам Коперник не попал за него в лапы инквизиции только потому, что успел заблаговременно умереть естественной смертью. Но его последователь — великий ученый Галилей не был так счастлив. Этого семидесятилетнего старца отцы инквизиции заставили под угрозой пыток признать ересью ясную для него, как день, научную истину и торжественно, на коленях отречься от нее. Затем, несмотря на отречение, старик Галилей целых десять лет, вплоть до самой смерти, томился под неусыпным контролем инквизиции. Но даже после смерти святые отцы пытались еще нанести ему оскорбление, запретив похоронить его останки в семейном склепе.

Галилей не был, конечно, исключением. Подобных ему мучеников науки, павших жертвой инквизиции, было весьма много и до Галилея и после. Так, например, в 1600 г. геройски кончил на костре свою жизнь знаменитый Джордано Бруно, не пожелавший в угоду церкви отказаться от своих научных взглядов. В 1629 году церковники зверски замучили философа Ванини. Подобной участи подверглись и многие другие лучшие умы своего времени.

Святые отцы были беспощадны в своих преследованиях науки. Они не останавливались ни перед чем. Некий ученый, Де-Доминис, попытался впервые объяснить явление радуги так, как его объясняют теперь все мало-мальски образованные люди, то есть игрой солнечных лучей в капельках влаги, рассеянных после дождя в воздухе. В этом объяснении тотчас же была усмотрена ересь. Де-Доминиса заманили обещанием архиепископства в Рим и, ничтоже сумняшеся, засадили в тюрьму святого Ангела. Но ученый «почему-то» умер раньше, чем это входило в расчеты его судей. Это их нимало не смутило. «Преступник» был представлен перед судом инквизиции в гробу, и так как не нуждавшийся уже ни в каких оправданиях бедняга совсем не оправдывался, то его очень легко было обвинить в ереси и вместе с целой кучей столь же еретических книг бросить в огонь.

Уничтожая свободу научной критики и научного исследования, чтобы тем легче удерживать народ в темноте, духовенство изобретало в то же время целую систему всевозможных обрядов и таинств для успешной стрижки паствы. Святым отцам нужно было, чтобы запуганные адом миряне вынуждены были всю жизнь, от колыбели до могилы, прибегать к ним за помощью для совершения разных треб и обрядов, без которых нельзя ни родиться, ни умереть христианину. Они знали, конечно, что, прибегая за помощью к своему духовному отцу, мирянин не посмеет явиться к нему с пустыми руками, без обильных приношений. И они не ошиблись. Мирянин крепко боялся черта и ада. Ему не приходила еще в голову тогда столь обычная несколько позже, в эпоху реформации, мысль: да уж не малюют ли попы столь страшно черта «ради своего пропитания»? Темный мирянин не задумывался о том, что ни Христос, ни его апостолы никогда никаких обеден, панихид и молебнов не служивали и что, стало быть, все это просто поповская выдумка. Он, в простоте сердечной, исполнял все, что от него требовалось, и набивал своими трудовыми грошами поповские карманы. Для тех же, кто способен был обо всем этом задуматься, всегда была наготове святейшая инквизиция со всеми ее прелестями.

Наряду со всевозможными молебнами и панихидами духовенство имело, однако, и еще один не менее важный козырь по части того, как заставить народ «изумляться, преклоняться» и являться к своим пастырям с обильными приношениями. Таким козырем являлись разные «чудотворные» иконы, мощи и тому подобные святыни, в изобилии фабрикуемые по церквам и монастырям ради привлечения богомольцев. Беззастенчивость этой фабрикации доходила до того, что мощи некоторых, особо чтимых святых обретались зачастую одновременно в нескольких монастырях. Таким образом, по общему подсчету, у каждого из этих святых могло бы оказаться по нескольку голов, по дюжине — другой рук и ног. Да и то ли еще бывало! В качестве священных реликвий верующим предъявляли «перо из крыла архангела Гавриила» и «вздох Иосифа-плотника». В нескольких монастырях было по терновому венцу спасителя; в одиннадцати монастырях хранилось по копью, прободавшему его бок; крестоносцы вели выгодный торг молоком богоматери, а один из иерусалимских монастырей мог предоставить зрителю даже подлинный палец самого святого духа!

Вы изумитесь, читатель. Вы скажете, что у духа не может быть пальцев, вы скажете, что все это было бесстыднейшим по своей кощунственной наглости обманом. Но что поделаешь? «Народ непременно хочет, чтобы его обманывали»,— заявлял еще в начале V века один из «отцов церкви», епископ Синерий. Как же, дескать, его не обманывать? Так рассуждали, должно быть, и владельцы «подлинного» пальца святого духа. На самом деле народ, конечно, хотел, чтобы его обманывали, не больше, чем караси любят, чтобы их поджаривали в сметане. Но горе в том, что значительная масса народа всегда была, да и теперь еще в капиталистических странах остается в такой темноте, что легко поддается обманам. Ведь еще перед революцией на Руси можно было встретить какого-нибудь бывалого странничка, который торговал по глухим деревушкам пузырьками «тьмы египетской». И даже с успехом торговал, несмотря на то или, вернее, потому, что русская деревня и без того уж поистине во тьме египетской пребывала.

Мы не станем здесь указывать на те несметные богатства, какие скопились вследствие вышеописанной политики в руках монастырей и высшего духовенства. Мы отказываемся рисовать и ту переполненную роскошью и развратом жизнь, какой жило, несмотря на свои обеты нищенства и целомудрия, это духовенство. Нам важно подчеркнуть здесь лишь следующее обстоятельство. С тех пор как христианство стало государственной религией, оно потеряло свой первоначальный демократический дух, обратившись в нечистых руках разжиревшего духовенства в орудие наживы и господства. Понятно, что при таких условиях святые отцы никак не могли допустить свободы религиозной критики. Отсюда-то и проистекает прежде всего та страшная религиозная нетерпимость, примеры которой мы выше приводили.

Конечно, мы имеем здесь в виду главным образом нетерпимость высшего духовенства. Религиозная нетерпимость монаха-простолюдина или какого-нибудь захудалого попа деревенского должна быть в значительной мере объяснена их полнейшим невежеством и дурно направленной ревностью о вере. Высшее духовенство не имеет за собой и такого оправдания: оно вовсе не так уж невежественно и далеко не так религиозно. Даже более того. В душе эти святейшие отцы почти ни во что не верят, хотя они, понятно, вовсе не так откровенны, чтобы открыто, перед всеми признаться в этом. Тем знаменательнее поэтому становится следующее откровенное признание одного из архипастырей римских, Юлия II (жившего в 1475—1513 гг.). После одного из особо обильных сборов в набожной Германии этот святейший отец заметил своему приближенному епископу:

— Что, брат, а ведь басня об Иисусе Христе — прибыльная штука!

4. «Апостольский период» русской православной церкви

Почти все вышеприведенные факты заимствованы нами из истории Западной Европы, и у иного читателя легко может возникнуть мысль, что у нас, «на святой Руси», ничего подобного нет и не было. Не было у нас,

дескать, ни инквизиции, ни иных прочих посягательств на чью-либо свободу совести. Духовенство православное соблюдает, дескать, в чистоте все заветы Христовы. А если это так, то какое нам дело до «гнилого» Запада — он нам не указ. Незачем, дескать, и порох тратить в защиту свободы совести.

Вот в том-то и горе, приходится ответить такому читателю, что все это не так. И у нас на Руси была инквизиция, хотя она и не называлась этим словом. И у нас не было свободы совести. Но пусть говорят за себя сами факты.

Заглянем же в историю русской церкви. Наши предки были язычниками. Они поклонялись богу грома Перуну, богу солнца и плодородия Яриле, скотьему богу Велесу и другим. Как же они стали христианами? Их убедили в превосходстве христианства словом божиим, словом любви? Так, что ли? Вовсе нет. По рассказу летописца, русский князь Владимир, знаменитый своими пирами и женолюбием, был напуган греческими монахами картиной страшного суда и крестился. Крестилась с ним и его наемная дружина. Затем под конвоем этой дружины (в 988 г.) загнали, как стадо баранов, в реку и оптом крестили там всех остальных киевлян. А затем уже князь послал своих воевод с той же дружиной «благовествовать» новую веру и по всей остальной Руси среди своих подданных. Деяния этих «апостолов» князя Владимира были очень не сложны: «Путята крести мечом, а Добрыня огнем»,— кратко сообщает летопись. И вот Русь стала христианской. Наши предки, восприняв огненное Добрынино крещение, стали вместо Перуна поклоняться Илье-пророку, повелителю громов, вместо Велеса — святому Власию, покровителю скота, и так далее. К перемене имен они, в конце концов, могли привыкнуть. Все же остальное осталось без перемены. Только женолюбивый и винолюбивый князь Владимир стал с тех пор называться «святым и равноапостольным».

Таково было начало. Не так успешно было продолжение. Несмотря на апостольское содействие огня и меча, христианство распространялось на Руси чрезвычайно туго. Даже к именам новых богов не скоро могли привыкнуть наши предки. И местами еще в XIII веке, будучи уже по имени христианами, они

поклонялись «Мокоше и Перуну, Роду с Роженицей, огневи, камени, рекам, брегиням и древам». Не вывелись еще тогда и волхвы, то есть жрецы этих богов. Их нередко беспощадно сжигали, но в то же время верили в их якобы волшебную силу и боялись их. В одном обличении XIII века читаем: «Вы еще держитесь языческих обычаев, верите волхвованию и сожигаете невинных людей и делаете виновным в убийстве все общество, весь город. Из каких книг, из какого писания узнали вы, что от волхвований бывает голод на земле и опять волхвованием умножается хлеб? Если сему верите, то почему сожигаете волхвов?.. Вот ныне три года не родится хлеб не только на Руси, но и в земле латинской,— волхвы это сделали?..»

Эти суеверия были так живучи, что еще в начале XV века псковитяне сожгли живьем двенадцать несчастных старух, порешив, что это ведьмы и колдуньи и что они пускают в народ болезни.

5. Первая ересь

Таким образом, первый, так сказать, «апостольский», период русской православной церкви, период борьбы ее с язычеством очень затянулся. Но не успел он еще вполне закончиться, как уже из самых недр русской церкви вырос новый, «внутренний» враг. И костры, на которых раньше жгли лишь языческих волхвов и кудесников, понадобились для другой цели. В XIV веке возникла первая значительная на Руси ересь — стригольников.

Достойно внимания, что уже и эта первая секта выросла на почве недовольства «нехристианскими» нравами русского духовенства. Обличая пастырей духовных в том, что они «пьяницы, едят и пьют с пьяницами и дерут с живых и мертвых», псковские и новгородские стригольники открыто порвали все сношения с недостойной, по их взглядам, церковью. Сами стригольники, по словам летописи, подавали в своей религиозной общине пример строгой подвижнической жизни и нестяжания, «изучали словеса книжные и сладко говорили к народу». Это не пришлось по вкусу духовенству. В его среде немедленно возникла мысль поступить со своими обличителями, «как франки в

Испании», то есть применить к ним приемы инквизиции. И действительно, хотя до костров на первый раз не дошло, но стригольников признали еретиками, после чего одних из них утопили в Волхове, других заточили по тюрьмам, третьи успели скрыться «за пределы досягаемости», в Ливонию и Швецию... Православие торжествовало победу.

Таковы были первые шаги инквизиции на русской почве. Но, прежде чем следить за дальнейшими ее шагами, посмотрим, правы ли были стригольники, обличая нравы русского духовенства, или нет?

Каковы же были эти нравы в действительности?

6. Нравы духовенства

«Прегордые, лютые и вселукавые мнихи,— рисует нам их князь Курбский,— о том лишь и заботились, как бы выманить имение монастырям или богатство многое и жить в сладострастиях скверных, как свиньи питаясь, не говорю уж — в кале валяясь». Людям богатым эти святые отцы упорно советовали не отдавать своих имений сродникам, хотя бы и убогим, но завещать их монастырям, за что им, дескать, святые «умолят у бога царствие небесное». Когда советы не помогали, пускались в ход угрозы, не обходилось иной раз даже без подлогов в завещаниях. И в результате в руках монастырей оказывались несметные богатства. Грозный царь Иван перед собором 1580 г. говорил духовенству: «Вы, устрашая совесть лучших подданных, захватили в свои владения третью часть земель в государстве». И это не было преувеличением.

Что же делали святые отцы со своими богатствами? Употребляли их на добрые дела? Вовсе нет. Они, по словам Максима Грека, занимались ростовщичеством, причем задолжавших крестьян морили непрерывными монастырскими работами или продавали в рабство. Даже бояре, попадавшие в их паучьи тенета, жаловались, что «и в царях редко встретишь такое свирепство», как в этих иноках, «сребролюбцах ненасытных».

Стяжание составляло как бы высший смысл и ценность их жизни. Ради него строители монастырей нередко устраивали у себя даже разбойничьи притоны. Вообще ради стяжания тогдашние пастыри духовные

способны были на все и, по образному слову современника, всеми мерами «уловляше овцы в снедь своего зверообразного глощения». Но если цель монашеской жизни составляло стяжание, то постоянной усладой ее были, несомненно, непробудное пьянство и разврат. Пьянство составляло общий недуг всего духовенства. Царские грамоты того времени жалуются, что «от хмельного питья церкви без пенья». Митрополиты упрашивают, чтобы пьяные попы не валялись по улицам. И все духовенство оптом обличается современниками «в злобе безмерного сатанинского упивания». Разврат составлял столь же обычное явление монастырской жизни.

В общем, современники рисуют такую картину: иноки «украшают себе кельи, как чертоги царские, и везде у них все лучшее и завидное все, и покоят себя пьянством и брашном»; отцы духовные «возлюбят пьянство, блуд, нечистоту, свирепство и немилосердство... Угождают мамоне, а не душе своей... Сверх казны монастырской еще крадут и себе в собину собирают золота и серебра — и мир слезят». «В монастырях,— говорил Иван Грозный на Стоглавом соборе в 1551 г.,— иные постригаются ради покоя телесного, чтобы постоянно бражничать, и по селам ездят для удовольствия, прохлады для; в кельи женки и девки приходят, монахи, монахини и миряне живут вместе».

До чего эти нравы прочно сложились к этому времени, до чего они въелись в плоть и кровь тогдашнего духовенства, видно из таких фактов. Когда старец Феодорит запретил было монахам основанной им Троицкой-на-Коле обители приобретать имущество и держать женщин, то иноки, по словам Курбского, «сложились с диаволом и вознеистовствовали; взяли старца святого и били нещадно, из монастыря его выволокли и из страны той, как врага, выгнали».

Такой же случай был однажды и в Троице-Сергиевском монастыре. Когда игумен вздумал «превратить чернецов на божий путь, на молитву, пост и воздержание, вышел мятеж многий». Монахи чуть не убили игумена. Как видно, «прегордые, лютые и вселукавые мнихи» слишком уж привыкли и приспособились к своему укладу жизни, чтобы позволить кому-нибудь изменить его против их воли. Таковы были нравы.

7. Церковная святость

Конечно, эти содомские нравы нельзя приписать всему православному духовенству. Встречались и среди него исключения. Бывали и подвижники. Но какие? Вчитываясь в жития святых русской церкви, невольно приходишь к печальным заключениям. Едва ли не самым типичным из этих подвижников следует признать, несмотря на его малоизвестность, «преподобного» Иринарха Борисоглебского[1]. Чем же он заслужил свою славу святого? Не тем ли, что всю жизнь посвятил служению ближним? Не тем ли, что, следуя евангельскому завету, душу свою положил за други своя? О нет, не этим: он спасал только себя, только свою душу.

«Не слушает игумена, ходит бос и носит рубище и железа» — вот краткая, но почти исчерпывающая картина всего жития этого подвижника. Прибавить к этому необходимо лишь одну черту: святой жил затворником. В самое тяжелое для своей родины Смутное время, когда ее терзали и внутренние неурядицы, и неприятельские нашествия, этот святой безвыходно укрывался в своей келье. Приковав себя железной цепью за шею к стулу, с оковами на руках, с пудовым обручем на поясе, весь обвешанный увесистыми крестами, целых 38 лет просидел он в одиночестве добровольным затворником, вдали от житейских бурь и невзгод, за глухими каменными стенами своего монастыря...

Вот образец церковной святости. Вокруг нее кипит полная сумятицы, воплей и стонов напряженная жизнь, а она вместо того, чтобы озарить эту сумятицу светочем знания и идеала, вместо того, чтобы деятельно вмешаться в эту сумятицу жизни со знаменем борьбы против всего, что ее наполняет страданием,— она, эта святость, бежит от человеческого горя и слез в одинокие кельи, в глухие леса, в далекие пустыни, бежит и «спасается» там отшельничеством, затворничеством, столпничеством. Она бежит туда для того, чтобы никакие вопли и стоны жизни не отвлекали ее внимания от самосозерцания и не мешали ей шествовать торной

---

[1] Умер в 1616 г.

тропой, в одиночку, к «блаженству». До других ей нет никакого дела.

Правда, мы знаем примеры и иной святости. Бывали на Руси и иные подвижники-бунтари, вроде упомянутых выше стригольников. Эти не прятались от жизни. Они не желали спасаться в одиночку. Наоборот, они стремились попасть в самую гущу жизни и бесстрашно обличали властную неправду, и сладко говорили народу о лучшей жизни, и гордо шли за свои убеждения на пытки и казни. Но зато церковь и причисляла их к сонму еретиков и вольнодумцев, а не к лику святых. Они не подходили к идеалу церковной святости ни с какой стороны.

Но менее всего им свойственны были те христианские добродетели, какие напоминают собой добродетели овечьи.

— Какие же это такие добродетели? — спросит нас читатель.— Православный святой Тихон Задонский, который вообще был очень склонен «примечать» в овцах все христианские добродетели, а в христианах — овечьи, так их живописует. «Прежде всего в христианах, как и в овцах,— говорит он,— примечается *простота:* когда едину овцу волк режет, не бегут прочь, но все на тое смотрят». Такова первая добродетель. Затем и в тех и в других примечается *смирение:* «Когда стригут их — молчат, и когда бьют — молчат». Такова вторая добродетель. Затем следует *покорливость:* и те и другие «пастухам своим послушны». Это третья добродетель. За ними следует еще целый ряд других. Так, например, и у христиан, и у овец «примечается мир и согласие, ибо и в малой хлевине много их помещается». И те и другие, «когда едят, не дерутся между собою». И те и другие «весьма алчны», только одни — к сену, другие же — к благочестию. И так далее все в том же роде. «Так что,— заключает святой,— когда хощеши во ограде небесной быть, надобно быть тебе неотменно овцею Христовою».

— Спасибо на добром слове...— ответят на такую слащаво-приторную проповедь овечьего смирения подвижники нового времени — рабочие-революционеры.— Только надо сказать вам, что нас, рабочих, очень мало соблазняют все ваши хлевы и ограды. Мы не так «смирны», чтобы молча позволить себя стричь

кому бы то ни было, и мы вовсе не так уж «просты», чтобы стоять, лишь вытаращив глаза по-овечьи, и смотреть, как одного из наших братьев режут и грабят ваши волки-империалисты.

Нет, нам нужны не овечьи добродетели, а крепкий боевой союз всех тружеников для взаимной защиты против всех волков, хотя бы и в овечьих шкурах.

8. Церковь и власть

Для более полной характеристики духовенства Московской Руси необходимо упомянуть еще о его глубоком невежестве. Невежество это было распространенным явлением и доходило до того, что знание молитв «Отче наш» и «Богородица» почиталось «очень высокой наукой, годной только для царей да патриарха, а не для простых мужиков». «Приведут ко мне посвящать в попы мужика,— жалуется архиепископ Геннадий,— я приказываю ему читать апостол, а он и ступить не умеет. Приказываю дать ему псалтырь, а он и по той еле бредет. Я отказываю, а на меня жалоба: земля, господине, такова; не можно найти, кто бы горазд был в грамоте».

Земля действительно была темная. Но почему? Старались ли просветить ее хоть сколько-нибудь ее отцы духовные? Увы, совсем наоборот. Духовные власти, по словам современника — иностранца Флетчера, «будучи сами невеждами во всем, они стараются всеми средствами воспрепятствовать распространению просвещения, как бы опасаясь, чтобы не обнаружилось их собственное невежество и нечестие. По этой причине они уверили царей, что *всякий успех в образовании может произвести переворот в государстве* и, следовательно, должен быть опасным для их власти» [1].

Цари, конечно, вполне разделяли эти опасения. Интересы церкви и государства в деле народного просвещения настолько совпадали, что цари и без всяких настояний духовенства особого рвения в этом деле никогда не проявили бы. Впрочем, интересы этих учреждений, одинаково стремившихся к возможно полному господству над массами, совпадают не только в

---

[1] *Д. Флетчер,* О государстве русском, СПб., 1906, стр. 96.

деле затемнения народного сознания,— они вообще очень близки. Вот почему теснейший союз духовных и светских властей представляет собой столь обычное явление там, где существуют угнетатели и угнетенные.

На Руси этот союз был также тесен. Задачей духовенства в этом союзе было прежде всего возвеличить выше облака ходячего и освятить в глазах народа авторитет царской власти. Для этого пускались в оборот слова писания о том, что «несть власти, аще не от бога», и тому подобные. Шла в ход и отсебятина. «Воля государя — божья воля,— твердили народу.— Он словно ключник или дворецкий у господа бога: творит то, что бог велит». «Царь убо естеством подобен (только «подобен») есть человекам, властью же подобен вышнему богу»,— уверял знаменитый игумен волоцкий Иосиф Санин. «Вы сами боги и сыновья всевышнего»,— обращались к царям, хватая еще выше, его достойные сподвижники. «Вы сами боги...» Это звучит гордо. Народ должен был «чувствовать» это и благоговеть перед своими коронованными богами[1].

Святые отцы преусердно кадили фимиам властям предержащим, затуманивая им сознание порабощенного народа, но зато и от них требовали себе немало услуг. И притом властно требовали. «Наше дело, государь великий, вам напоминать,— внушали святые отцы «самим богам и сыновьям всевышнего»,— а ваше дело — нас послушать». В особенности же настойчиво добивались они от царей повиновения, когда дело шло о расправе с какими-нибудь вольнодумцами-нестяжателями, обличавшими духовенство в нехристианских нравах и требовавшими отобрания всех неправедных монастырских стяжаний. Право своего

---

[1] Любопытно, что в своем стремлении оправдать бьющее в глаза общественное неравенство русской жизни святые отцы изобрели даже особую теорию. По этой теории, изложенной в так называемой «Голубиной книге», хотя и весь мир-народ произошел от Адамия, но «цари пошли от святой главы Адамовой», «князья-бояре — от святых мощей Адамовых», а «крестьяне православные — от свята колена от Адамова», потому, дескать, и честь им разная. Теория не новая. Индийские жрецы — брамины уже несколько тысяч лет уверяют, что они произошли из головы бога Брамы, тогда как воины произошли только из его рук, купцы — из туловища, рабочие и крестьяне — из ног.

«святительского суда» над подобными еретиками святые отцы основывали, по примеру «гнилого» Запада, на сфабрикованных ими *подложных* церковных уставах якобы святых Владимира и Ярослава Мудрого. Но для приведения приговоров в исполнение требовалось содействие властей предержащих — требовалось их повиновение. И пастыри духовные тонкой лестью или угрозами ада умели его добиваться. По крайней мере, игумен волоцкий Иосиф Санин очень уверенно заявлял царю Василию III, что «благочестивые цари» всегда святым отцам «повиновались и еретиков и отступников проклинать повелевали».

9. Ереси и «богонаученное коварство»

Случалось это действительно не редко. Вслед за стригольниками на русской почве выросла в XV веке новая крупная ересь, получившая от церковников прозвище «жидовствующих» за частые ссылки на Ветхий завет, созданный древними евреями. Новые еретики, подобно стригольникам, прежде всего обрушились с проповедью обличения на пастырей духовных, которых они называли не иначе как людоедами, винопийцами и друзьями грешников. Этого одного было вполне достаточно, чтобы признать «жидовствующих» злейшими еретиками. И иосифляне немедленно подняли тревогу. В 1490 г. по их настоянию был созван церковный собор для суда над еретиками. Покровительствующий Иосифу Санину архиепископ новгородский и «святой» русской церкви Геннадий писал собору, что он для того и созван, чтобы «еретиков казнити, жечи да вешати». Геннадий вообще был решительным сторонником инквизиции и в образец того, как следует поступать с еретиками, ставил короля Фердинанда Испанского. Однако собор не последовал совету Геннадия. Дело в том, что проповедь еретиков о необходимости отобрать монастырские богатства была очень на руку тем, кто рассчитывал поживиться при таком отобрании. Поэтому они имели сочувствующих даже при дворе. Их трудно было судить собору. Конечно, новая ересь была проклята собором, виновные заточены по тюрьмам, но казнить их, жечь и вешать святые отцы еще не решились.

Преподобный отец Иосиф не удовлетворился, однако, таким приговором. Он доказывал, что еретиков не токмо «осуждати велено, но и казнити, и в заточение посылати; точию смерти предати епископам не повелено есть». Исполнять смертные приговоры — это уж, дескать, дело царей благочестивых. Государь должен еретиков «мечом посещи, а богатство их на расхищение предати»,— твердили царю Ивану III иосифляне. А если он не делает этого, то «слугу из себя сатане сотворяет». Агитация в этом духе продолжалась до тех пор, пока застращенный царь, убоявшись наконец сотворить из себя слугу сатане, не созвал в 1504 г. новый собор для суда над еретиками. Этот собор дал лучшие результаты. В Москве и Новгороде запылал ряд костров. Что же касается главнейших виновников, то их провезли по улицам верхом на лошадях, лицом к хвосту, с венцами из сена и соломы на головах, затем венцы эти подожгли, и несчастные еретики погибли мучительной смертью. Главный же виновник этой расправы — преподобный Иосиф заслужил своей ревностью славу *святого* и *чудотворца* русской церкви (празднуется 9 сентября).

Любопытно, что «отцы церкви» уже в ту отдаленную эпоху не брезгали для изобличения еретиков даже такими приемами сыска, какие приличествовали, казалось бы, лишь царской жандармерии. Преподобный Иосиф Санин учил своих сподвижников самим притворяться еретиками, чтобы, добившись их доверия и выведав таким образом все их сокровенные помышления, предавать несчастных. Такие иудины приемы исследования преподобный отец называл «богопремудростным и богонаученным коварством». Мы же называем их попроще — провокацией.

10. Великий раскол русской церкви

Все это были, однако, только цветочки религиозной нетерпимости русского православия. Лишь к концу XVII века, после того как при патриархе Никоне произошел великий раскол русской церкви, созрели ягодки инквизиции. Раскол этот, как известно, возник по поводу исправления старых богослужебных книг от разных описок и опечаток. Заспорили о том, пра-

вильнее ли писать «Иисус» или «Исус», два или три раза следует повторять аллилуйю, двумя или тремя перстами совершать крестное знамение и т. д. все в том же роде. Дело шло, стало быть, лишь о мертвых буквах учения. И, однако, эти воистину мертвые буквы оказались для многих тысяч наших предков смертоносными буквами. Из-за них русские люди при Никоне ломали друг другу ребра, резали языки и рвали ноздри, бросали в деревянные клетки и, завалив там соломой, сжигали...

В 1681 г. сожгли, впрочем, только несколько наиболее влиятельных расколоучителей. Но через три года (7 апреля 1684 г.) царевна Софья издала указ, грозивший срубом, то есть костром, и конфискацией имущества всем нераскаявшимся приверженцам старой веры без всякого разбора. И тогда преследования за веру приняли такой ужасный характер, что для целой массы гонимых они казались знамением близкой кончины мира. Все, что угодно, даже самоубийство, казалось этим несчастным лучшей участью, чем попасть в лапы церкви и правительства. Они разбегались по самым глухим углам России, а когда их и там настигали правительственные отряды, гонимые приверженцы старой веры запирались в ужасе у себя в домах и поджигали их. Они верили, что милостивый господь, «ради немощи» их, вменит им в мученичество и эту «более легкую», добровольную смерть... Мы не знаем, сколько раскольников погибло на правительственных срубах, но число избежавших этой казни посредством самосожжения достигает за 5—6 лет после указа 1684 г. 16 тысяч душ.

— Неужели, однако,— спросит читатель,— неужели православное духовенство в союзе с правительством так ревностны были в делах веры, что даже ради единой буквы писания проливали целые потоки человеческой крови?

Конечно, нет. Ведь до Никона в течение целых столетий были в ходу и сугубая аллилуйя, и двуперстное знамение, и много других, столь же «еретических» отступлений от православия, однако ни правительство, ни духовенство никакой порчи веры в этом не усматривали. Или возьмем другой пример. Когда однажды, в более близкое к нам время, до сведения

духовной консистории дошло известие, что некий Голохвостиков фабрикует *святые мощи из бараньих костей,* то консистория и не подумала вмешаться в это дело. Разоблачать подобную историю, которая могла подорвать веру во всякие мощи и лишить, таким образом, духовенство значительных доходов, вовсе не входило в расчеты духовных пастырей. Таким образом, и в делах посерьезнее, чем спор о единой букве писания, православное духовенство умеет быть терпимым, когда этого требуют его интересы.

Но не так обстояло дело с расколом. Раскольники не тем страшны были православию, что выкинули букву «и» из слова «Иисус» и крестились не тремя, а двумя пальцами. Страшны они были своими смелыми обличениями и светской и духовной власти в неправде. Страшны они были тем, что привлекали на свою сторону этими обличениями все недовольные элементы страны, всех угнетаемых и обираемых.

В этом споре столкнулись в конце концов лицом к лицу два класса — порабощаемых и поработителей, простолюдинов и высших сановников церкви и государства. Недаром господа помещики называли старообрядцев «мужиковской раскольничьей сектой». В первое время это было действительно почти сплошь мужичье. И какое! Это было то самое мужичье, которое ходило за Стенькой Разиным добывать себе «волю и равность». Это было то мужичье, представители которого говорили важным сановникам: «По-вашему, кто царь, кто енарал, кто ваше высокоблагородие, *а по-нашему, все равные братья».* Это было то мужичье, которое отказывалось молиться за царей неправедных, утверждая в своих книгах, что «вообще цари, вельможи, архиереи и учители — *наши грабители и мучители».* Что ж мудреного, что эти цари, вельможи и архиереи находили это мужичье весьма для себя зловредным и не миловали его?

11. Веротерпимость XVIII века

С течением времени, однако, по мере того как у православия и самодержавия оказывались враги посерьезнее раскольников, последние отходили на второй план, перестав казаться столь зловредными. Уже

Петр Великий, узнав в 1702 г. о строгих нравах раскольничьей жизни на Выгу, решил: «Если они подлинно таковы, то по мне пусть веруют, чему хотят, и когда уже нельзя их обратить от суеверия рассудком, то, конечно, не пособит ни огонь, ни меч, а мучениками за глупость быть — ни они той чести не достойны, ни государство пользы иметь не будет». И вот для «пользы государства» Петр обложил раскольников двойными налогами и стал посылать их на тяжкие государственные работы. Не брезгал он и такими приемами борьбы с расколом, как опубликованное по его приказу епископом Питиримом подложное «соборное деяние» против раскольников[1], но срубы все же оставил.

В отношении западноевропейских вероучений царь Петр, проводивший передовые экономические и политические мероприятия и нуждавшийся в услугах иноземцев, был терпимее. «Каждому христианину предоставляется на его ответственность самому пещись о блаженстве своей души»,— торжественно заявлялось в царском указе. Это было крупным шагом вперед, если вспомнить, что еще в 1689 г. два иноземных миссионера — Квирин Кульман и Нордерман были без всяких церемоний признаны еретиками и сожжены в срубе. Петровский указ, казалось, открывал новую эру. Некоторые наивные москвичи вообразили, что после такого указа в России должна быть полнейшая свобода совести. «Ныне-де у нас на Москве,— говорили они,— слава богу, повольно всякому — кто какую веру себе изберет, такую и верует». Кое-кто из них попытался даже на деле испытать эту новую свободу, перейдя из православия в лютеранство. Но скоро им пришлось горько раскаяться в этом. Духовные власти сразу закопошились и уже в 1714 г. добились соборного осуждения всего этого кружка русских протестантов. Их заставили под угрозой срубов торжественно отречься от своих религиозных взглядов и всенародно прокляли их в Успенском соборе. Когда же самый смелый из них, цирюльник Фома Иванов, взял свое отречение обратно, он не избег горящего сруба на Красной площади.

[1] *Андреев*, Раскол и его значение, 1870, стр. 348.

Не всем, стало быть, царь Петр предоставлял самим пещись о блаженстве своих душ. Это право дано было только иностранцам, русские же подданные оставались по-прежнему при своем «праве» на сруб и пытки. Царь Петр не только не уничтожил инквизиции после своего указа о веротерпимости, но даже упрочил ее новыми вспомогательными учреждениями.

Роль высшего инквизиционного учреждения по делам о вере играла основанная в Москве еще до Петра так называемая Славяно-греко-латинская духовная академия. «Московская академия,— рисует нам ее историк Соловьев,— это цитадель (крепость), которую хотела устроить для себя православная церковь при необходимом столкновении своем с иноверным Западом; это не училище только — *это страшный инквизиционный трибунал (суд)*. Произнесут блюстители (так назывались начальники академии) с учителями слова: виновен в неправославии — и костер запылает для «преступника». Но религиозные ереси и преступления стали принимать к этому времени все чаще не столько противоцерковный оттенок, сколько противогосударственный, и Петр наряду с академией воздвиг новое учреждение религиозно-политической инквизиции. Мы говорим о петровском «Тайном Преображенском приказе», позднее Петром же переименованном в «Розыскных дел Тайную канцелярию».

12. Православный инквизиционный застенок

Главным шефом этого учреждения было светское лицо — князь Ромодановский. «Сей князь,— по словам его современника,— был характера партикулярного (светского?); собою видом, как монстра (чудовище), нравом — злой тиран... пьян во вся дни; но его величеству верный так был, как никто другой. И того ради... (царь) оному во всех деликатных делах поверил и вручал все свое государство». Впрочем, в «деликатнейших» делах религиозного характера, столь обычных по тому времени в Тайной канцелярии, этому «партикулярному» палачу не по плечу, должно быть, было разыгрывать роль «великого инквизитора», и в помощь ему для этой цели назначен был палач духовного звания. Этот сподвижник князя Ромодановского

был сам многопрославленный в истории русской церкви Феофан Прокопович, который, по замечанию бытописателя того века князя Щербатова, «не устыдился быть судьей Тайной канцелярии, быв архипастырем церкви божией».

Под руководством этих генерал-инквизиторов и производились все допросы в застенках Тайной канцелярии; под их же диктовку готовились все приговоры недомученным жертвам этих застенков. Допросы производились с «пристрастием», то есть с применением пыток, и при том таких пыток, что более слабые люди под одной лишь угрозой их готовы были возвести на себя какие угодно преступления.

В «Обряде, како обвиненный пытается», который сохранял свою силу до 1801 г., перечисляются такие виды пыток: вздергивание на дыбу или виску с выкручиванием рук; жестокий кнут, несколькими ударами которого можно было при желании запороть человека до смерти; горящие веники для прожигания спины пытаемого; тиски с винтами для зажимания пальцев рук и ног до тех пор, пока пытаемый, как говорится в «Обряде», или повинится, или не можно будет больше жать перстов и винт не будет действовать. Применялись и более затейливые приемы. «Обряд» рекомендует, например, такую пытку: «Наложа на голову веревку и просунув (деревянный) кляп, вертят (им) так, что оный (то есть пытаемый) *изумленным* бывает; потом простригают на голове волосы до тела, и на то место льют холодную воду только что почти по капле, от чего также в *изумление* приходит» [1]. Таковы были пытки. Как видит читатель, рыцари православного инквизиционного застенка при такой «изумительной» изобретательности едва ли бы ударили лицом в грязь перед своими иноземными сотоварищами.

По каким же поводам применялись все эти пытки? Какие дела разбирались в Тайной канцелярии? Приведем несколько примеров. Вот, например, мужичок-работник Максим Антонов. В «шумном» виде как-то он «необычно» поклонился царю Петру на параде. Его немедленно хватают, подвергают пытке, находят виновным и приговаривают за то, что «к высокой особе

[1] «Изумление» здесь означало лишение ума, безумие.

его царского величества подходил *необычно*... послать в Сибирь и быть ему там при работах государевых до его смерти неотлучно». А вот перед судом Тайной канцелярии выступают кликуши. Это нервнобольные женщины, но их темная деревня считала «порчеными». Они и сами верили в эту «порчу», думая, что их мучит злой дух, и под влиянием этого суеверия чаще всего подвергались обычным у них припадкам истерии («выкликают») в церкви, во время «херувимской». Как же отнеслись к этим больным просвещенные судьи — инквизиторы? Они подвергли их пыткам, признали «притворщицами» и приговорили к ссылке на каторжные работы на «прядильный двор». А то вот некий иеромонах имел видение. Он видел какую-то странную комету с мечами, головой, буквой «П» и т. д. После расстрижения и пыток Тайная канцелярия милостиво заточила его в Соловецкий монастырь. Не так легко выпутался из когтей этой канцелярии другой монах — Левин. Его в 1722 г. за проповедь пришествия антихриста, который в его описании очень походил на Петра, *сожгли в Москве живым*.

Немного «легче» пришлось и некоему Орешникову за богохульство в состоянии невменяемости. После нещадных пыток ему вынесли такой приговор: «Вместо жжения живого, государь *всемилостивейше* повелеть соизволил... отсечь голову».

Царю Петру следовало бы быть более чем милостивым к таким «преступлениям». Ведь всему миру известно, что он сам очень часто, напиваясь до положения риз, забавлялся вкупе со своими собутыльниками устройством шутовских, якобы религиозных шествий и соборов, во время которых вся эта пьяная компания, переодетая высшими духовными пастырями, всенародно глумилась над тем, что народ привык почитать. Председателем этих «всешутейших соборов», кощунственно изображавшим на них патриарха, являлся не кто иной, как известный уже нам шеф Преображенского застенка и Тайной канцелярии «князь-папа» Ромодановский.

Чтобы не утомлять читателя, мы ограничились очень немногими примерами из практики Тайной канцелярии. Тем уместнее будет поэтому подчеркнуть, что женщины среди жертв этого учреждения были да-

леко не случайным или редким явлением. Оговоренных, пытанных и сеченных дам и девиц по одному делу царевича Алексея было двадцать шесть, не считая служанок, монашенок и прочей «мелкоты». И пытали их без всякого снисхождения к полу. Так, например, камерфрейлине царевны Марфы, Жуковой, на двух пытках дали тридцать ударов кнута, тогда как даже мужчинам обычно давали не больше пяти — десяти ударов. Желябужский пишет по поводу этого дела: «Брали из девичьи монастыря барынь и девок и стариц в Преображенской (приказ), и здесь они распрашиваны и по распросам пытаны и на виске Жукова дочь... родила...» В 1716 г. Петр Великий, правда, постановил не пытать беременных женщин, но и эта скромная «милость» распространялась только на уголовных убийц и воровок. В делах политических право применения пытки ничем не было ограничено. Таковы были нравы православного инквизиционного застенка.

Жутко даже делается при мысли, как мало соответствовали эти жестокие приговоры инквизиционного суда тем горе-преступлениям, против которых они были направлены. Кого там карали? Кликуш, полупомешанных монахов, пьяных. И за что? За болезненные припадки, за видения, за проповеди, за ругательства, за слова, слова и слова. Только однажды в истории этой эпохи мы наталкиваемся на преступное действие. И то какое! В 1720 г. в той самой стороне Летнего сада, где было каракозовское покушение 4 апреля 1866 г., какой-то раскольник совершил покушение на Петра Великого. «Покушение» выразилось в том, что, увидев Петра, несчастный выронил «превеликий нож» и, пав на колени, во всем признался: «Ты мне никакого зла не сделал,— сказал он Петру на его вопрос «за что?»,— но сделал нашей братии и нашей вере».

13. Церковь и сектанты

В послепетровское время характер религиозных гонений в России стал, постоянно смягчаясь, значительно иным, чем во времена петровские и до них. Правда, при императрице Анне гонения на раскольников по поводу их немоления за царей на время даже

усилились и вызвали в их среде целый ряд новых самосожжений. При той же царице в 1738 г. в Петербурге сожжены были на костре еврей Лейба Борухов и капитан-лейтенант Возницын за то, что первый из них обратил второго «посредством разговоров» в иудейство. Но с течением времени такие факты становились уже большой редкостью. В обычай же стали входить вместо костров и срубов каторга, тюрьма, ссылки и тому подобные способы убирать подальше с глаз неудобных, с точки зрения правительства и духовенства, людей.

Так, в конце XVIII века был бит кнутом и сослан на Камчатку известный сектант Селиванов. Император Павел вернул было его на время оттуда, засадив в дом умалишенных, но потом при Александре I его снова упекли, на этот раз в Суздальскую монастырскую тюрьму. Там Селиванов и умер. Другого сектанта — Шилова, после наказания плетьми, заключили сначала в Динаминдской крепости, затем Павел перевел его в казематы Шлиссельбурга, где он и протомился до смерти.

Но довольно примеров. У нас не хватило бы ни сил, ни времени для подробной картины хотя бы тех только религиозных гонений, какие имели место за одно последнее столетие. Мы не станем здесь описывать, как православное духовенство в союзе с самодержавным правительством душило свободную мысль, как эти союзники разрушали при содействии воинских отрядов раскольничьи скиты и молельни, как они разоряли, ссылая в Закавказье и отдаленнейшие места Сибири десятки тысяч молокан и прочих сектантов, как они еще в конце XIX века, всего за 2—3 десятка лет до революции, отнимали у несчастных матерей-духоборок их малолетних детей и младенцев, как они отлучили от церкви совесть русского народа в лице великого Льва Толстого. Все это слишком известно...

Ну, а еще позже, уже в XX веке, до 1917 года, спросим мы, разве сильно изменилась картина? Разве наступила наконец свобода совести? Нет и нет.

Конечно, в сравнении с прежними, религиозные гонения последних лет царизма очень смягчились. Дело в том, что всякое народное движение в ереси, несмотря на внешнюю религиозную оболочку споров о догматах

или обрядах, в своей основе имело всегда не эти споры. Чувством нравственного протеста против общественных зол и неправды, чувством негодования против всех виновников этой неправды — вот чем питалось всякое такое движение. Иногда это проявлялось очень ярко. Вся «ересь» осужденного духовным собором 1554 г. Матвея Башкина состояла, например, в едином вопросе: «Отчего слова спасителя не применяются к жизни?» Тут ясно до очевидности, что не о догматах или обрядах, а единственно о правде жизни хлопотал этот «еретик». Но и во всех прочих случаях, даже в знаменитом великом расколе православной церкви из-за опечаток в старых книгах, дело шло, если взглянуть поглубже, вовсе не об этих опечатках. Подкладкой спора, как мы уже указывали, было все же искание общественной правды и классовая вражда порабощенного «мужичья» против своих властных угнетателей. Но церковь и эксплуататорское государство всегда стояли на страже интересов господствующих классов, пользуясь для их защиты с одинаковою ревностью и словом божьим и силою оружия.

Вспомним, как даже крепостное право оправдывалось и освящалось в свое время евангельскими текстами и как беспощадно подавлялись оружием всякие попытки закрепощенных крестьян разбить свои рабские цепи [1].

Немудрено поэтому, что и духовные, и светские власти рассматривали всякое новое вероучение прежде всего с точки зрения его *политического* значения. Чем оно им кажется опаснее с этой точки зрения, тем сильнее они его преследуют. И наоборот, чем безразличнее для них какое-нибудь вероучение с политической точки зрения, тем терпимее они к нему относятся.

---

[1] В одну из таких попыток, еще при царе Павле, в имении графа Апраксина при усмирении было убито двадцать и ранено семьдесят крестьян. Дома убитых были истреблены огнем до основания, а трупы лишены христианского погребения и зарыты с надписью: «Тут лежат преступники против бога, государя и помещика, справедливо наказанные огнем и мечом по закону божию и государеву». Это было давно. Но и в XX веке карательные отряды царских генералов точно так же жгли и расстреливали крестьян, борющихся за землю, а попы подбирали евангельские тексты в оправдание смертной казни для все новых и новых «преступников» против «бога, государя и помещика».

В свое время, например, русские раскольники казались правительству более опасными врагами, чем мусульмане-татары и прочие иноверцы, и русских жгли в срубах, а иноверцев не трогали. Но скоро стали возникать новые, более «опасные» вероучения. В то же время из среды раскольников вместо прежнего непримиримого «мужичья» в качестве столпов раскола стали все чаще выдвигаться разные ковылины и тому подобные представители крупного купечества. С этими людьми, которые так мило подносили кому следует «барашков в бумажках» и пироги с золотою начинкой, легко было поладить [1]. Они перестали казаться опасными, и вся тяжесть преследований была перенесена на «более вредные» — сектантские вероучения.

14. Дореволюционная «свобода совести»

К числу вредных сект царские министры относили, между прочим, секту штундистов, которые, по сведениям полиции и духовного ведомства, «отвергая все церковные обряды и таинства, не только *не признают никаких властей* и восстают против присяги и военной службы, уподобляя верных защитников престола и отечества разбойникам, но и проповедуют социалистические принципы, как, например, общее равенство, раздел имущества» и т. п. [2] Не признают властей... Проповедуют социалистические принципы... Вот в чем самый гвоздь вредности штунды для царизма, хотя на самом деле никакого социализма в ней не было. И штундистов преследовали до тех пор, пока в России в лице рабочего движения не вырос новый, действительно смертельно опасный враг самодержавия — *настоящие* борцы, *подлинные* социалисты. Тогда уж по-

[1] Напомним читателю хотя бы о том пироге с 1000 золотых империалов (около 15 тысяч руб.), который беспоповцы с Ковылиным во главе поднесли при Александре I обер-полицеймейстеру Воейкову.

[2] Живи министры в апостольский век христианства, когда верующие «имели все общее, и продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого» (Деяния, II, 44—45), они, наверно, даже самих апостолов признали бы «особо вредными» сектантами, штундистами и даже, пожалуй, по своей безграмотности, «социалистами». Они ведь не знали даже того, что социалисты стоят вовсе не за раздел имущества, а за общие орудия труда и общий труд на общую пользу.

неволе всю энергию сыска, всю тяжесть преследований пришлось направить в эту сторону.

Это хорошо подтверждается следующими цифрами уголовной статистики царской России в отношении числа лиц, осужденных окружными судами и судебными палатами за 1874—1913 гг. по религиозным и политическим мотивам. В числе религиозных правонарушений здесь учтены нарушения церковного благочиния и постановлений церкви, совращение и отступление от веры, богохуление и кощунство, так называемые «изуверные учения» и тому подобные. В числе политических деяний подытожены участие в «противозаконных обществах», выступления против «особы государя» и членов царской фамилии и вообще все, что трактовалось как «измена» или «бунт против верховной власти». Особо подсчитаны нами и рабочие, осужденные за участие в стачках против эксплуатирующих их труд фабрикантов и заводчиков, поскольку «верховная власть», взяв их под свою защиту, рассматривала и мирных стачечников в качестве явных заговорщиков и бунтовщиков.

Конечно, в учтенные ниже итоги осужденных по суду вошла лишь малая доля лиц, подвергшихся репрессиям по религиозным и политическим мотивам, так как царская власть предпочитала расправляться со своими противниками без суда, в административном порядке. Не вошли в них и все жертвы военных и прочих исключительных судов и инстанций. Но для динамических сопоставлений во времени весьма показательны и эти вполне достоверные итоги официальной статистики.

Годы	Число осужденных лиц по делам[1]			
	религии	политики	за стачки	всего
1874—1883	1 575	1 681	13	3 269
1884—1893	4 878	9 909	270	15 057
1894—1903	4 671	13 475	202	18 348
1904—1913	8 000	88 495	1 748	98 243
За 40 лет	19 124	113 560	2 233	134 917

[1] «Свод статистических сведений по делам уголовным».

Сопоставляя число жертв религиозных и политических преследований за последние 40 лет перед мировой войной, мы убеждаемся, как быстро вся энергия этих преследований переключается в направлении от религии к политике. Еще в 70-е годы число пострадавших борцов и против господствующей церкви, и против самого освященного ею самодержавия почти равно. Но уже за следующее десятилетие число осужденных борцов за свободу, против царей земных вдвое превышало число протестующих против церкви и утверждаемых ею небесных авторитетов. За следующее десятилетие, в 90-е годы, число борцов против царизма уже почти втрое, а в 900-е годы — уже в одиннадцать с лишним раз превысило число лиц, осужденных за антирелигиозные деяния. А в общих итогах за весь период число осужденных по делам религии выросло с 1874—1883 гг. за три десятилетия раз в пять, значительно опережая рост населения. Но число жертв в политической борьбе против царизма за тот же период выросло в 53 раза, а в стачечной борьбе рабочих — даже в 134 раза.

Правда, к суду за стачки привлекались лишь так называемые «зачинщики» и вожаки рабочих, но этих вожаков поддерживали активно такие широкие массы, которые уже не вмещались ни в какие тюрьмы. Достаточно напомнить, что в царской России лишь за один 1905 г. в забастовочном движении приняло участие свыше 2,8 миллиона рабочих, и громадное большинство их выступало с грозными политическими требованиями. Понятно, что в условиях такой катастрофически растущей опасности самим устоям царизма мало опасное для него сектантство и другие вероучения все меньше привлекали к себе его внимание. И религиозная прижимка пообмякла. Пообмякла, но не исчезла.

В самом деле. Перед нами последнее дореволюционное издание справочной книги для противосектантских миссионеров («Миссионерский календарь» В. М. Скворцова за 1902 г.). В ней, конечно, рассеяны в изобилии предписания святейшего синода отцам миссионерам «вести собеседования» с раскольниками и сектантами, знать их «вожаков и руководителей», иметь «неослабное и бдительное наблюдение», «зорко

следить» и обо всем «обстоятельно доносить» по начальству «для принятия зависящих со стороны сего начальства мер»[1]. Тут же приведен свод действующих — о расколе и сектантстве — постановлений светской власти, дабы святые отцы знали, когда и о чем им надлежит доносить. Что же мы в них читаем? «Раскольник, дозволивший себе публично проповедовать свое лжеучение православным или склонять и привлекать их в свою ересь», даже в том случае, если его проповедь не будет иметь никакого успеха, подвергается лишению некоторых прав и тюремному заключению не меньше 8 месяцев. За успех наказание повышается. «Виновные как в распространении существующих уже между отпавшими от православной церкви ересей и расколов, так и в заведении каких-либо новых повреждающих веру сект подвергаются за сии преступления лишению всех прав и ссылке на поселение».

Все эти ограничения свободы совести и прямые гонения за веру не мешали, однако, правительству собирать с преследуемых налоги не только на общегосударственные нужды, но и на содержание православного духовенства, выполнявшего по отношению к ним роль особой жандармерии в рясах, и вообще на все расходы духовного ведомства, направленные на искоренение ересей и раскола[2]. Евреи же сверх этих обычных налогов платили еще один — специально для них придуманный «коробочный сбор». Таким образом, всех тех, чью религиозную совесть гнули и насиловали, заставляли еще оплачивать содержание своих палачей.

Могут сказать, что все эти и подобные религиозные стеснения падали всей своей тяжестью лишь на

---

[1] «Особливое пастырское попечение» (вменяется синодом) иметь «о работающих на фабриках, заводах и промышленных заведениях православных людях»... Это говорится в циркуляре синода «об основаниях к признанию сект особенно вредными». Как видно, рабочие, даже будучи православными, являлись в глазах святых отцов наиболее «вредной сектой».

[2] Это относится не только к обычным казенным, но и к специальным мирским сборам. «Принадлежность к расколу,— гласил закон,— не освобождает от сборов и повинностей в пользу приходской (православной) церкви», если большинство в приходе составляют православные.

незначительное иноверческое меньшинство российских граждан. Но это неверно. Отсутствие свободы совести со всеми его последствиями распространялось и на православное большинство их, то есть и на всех членов господствовавшей в России церкви.

Их религиозная совесть насиловалась еще хуже, чем совесть иудеев и язычников. Иудей или язычник, в случае если он разочаруется в своей вере, вправе был отказаться от нее и избрать себе другую веру. Православный же не имел такого права. Он не вправе был стать католиком, лютеранином или буддистом. Всю жизнь такой православный должен был лицемерить, выполняя обряды, которым не придавал уже никакого значения, но не смел в этом сознаться только потому, что, будучи еще неразумным младенцем, имел несчастье попасть в лоно господствующей церкви, не терпящей отпадений.

Что же касается атеистов, неверующих, совесть которых не мирилась с любой религиозной верой вообще, то они преследовались царским правительством с возрастающей жестокостью. Всякое несоблюдение церковных обрядов влекло установление полицейского надзора, как за «политически неблагонадежным». Брак признавался законным лишь в случае оформления его церковью. Рожденные вне этого «законного» брака дети считались «незаконнорожденными» и лишались многих гражданских прав.

В Уложении о наказаниях имелись статьи, карающие за «преступления» против веры вплоть до ссылки на каторжные работы. Такова была дореволюционная «свобода совести».

15. Церковь после 1917 г.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция осуществила на деле свободу совести. Только она действительно всякому предоставила по совести верить или вовсе не верить, не подвергаясь за это никаким преследованиям.

Уже 23 января 1918 г. за подписью Ленина был опубликован известный декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. «Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиоз-

ной пропаганды признается за всеми гражданами»,— гласит статья 124 Основного закона нашей страны — Конституции СССР.

Большинство духовенства сразу же встретило эту свободу в штыки. Заседавший в 1917/18 г. церковный собор и возглавлявший его патриарх Тихон открыто призывали к борьбе против ленинского декрета об отделении церкви от государства и против Советской власти вообще. В первые годы борьбы с контрреволюцией против Советской Армии выступили мобилизованные церковной реакцией целые «полки Иисуса», «полки богородицы», «старообрядческие дружины святого креста», «меннонитские дружины», «мусульманские дружины» и т. п. Но многомиллионные массы рабочих и даже верующего крестьянства не пошли за ними, а полностью поддерживали все мероприятия Советской власти. Когда же в голодном 1921 г. Советское правительство решило привлечь часть церковных богатств, накопленных за счет народа, на приобретение хлеба для голодающих, то попы, вцепившись в ценности, выступили на деле против голодающих. И это вызвало против них уже явное возмущение масс.

Успехи социалистического строительства, массовый отход трудящихся от религии заставили большинство духовенства, опасающегося окончательно потерять доверие верующих, перейти на лояльные позиции по отношению к Советской власти. Сейчас, когда в нашей стране нет господствующей церкви и рушатся последние обломки здания религии, удержать за собой прихожан силой ни одна религия не может. Приходится бороться за свою веру лишь силой убеждения и примером духовной доблести (если таковые имеются) самих проповедников. В связи с этим церковники и сектанты стремятся активнее привлекать в свои ряды новых приверженцев, оспаривая яростно при этом основы всякого иного вероучения. Вот почему не вредно выслушать доводы всех сторон в споре о вере.

ГЛАВА II
СПОРЫ ВЕРУЮЩИХ

16. За и против веротерпимости

Мы знаем теперь, почему в царской России не было и быть не могло свободы совести. У господствующих классов — у всех тех, кто, утопая в роскоши и разврате, жил, как праздные трутни, чужим трудом,— было слишком много оснований бояться свободной критики, обличений и разоблачений. Силы же заткнуть рот всякой критике, задушить всякое самомалейшее проявление свободы у них было более чем достаточно.

У иного читателя возникает вопрос: неужто же враги свободы совести не могли привести в защиту своей нетерпимости никаких иных соображений, кроме своего шкурного страха обличений, страха потери влияния и власти? Неужто у них не было других доводов? Для публики, для народных масс, конечно, были. Хотя, нужно сказать, что и те немногие доводы, которыми они оправдывали себя в глазах народа, настолько жалки, что всякий раз говорят либо об их невежестве, либо об их неискренности. Впрочем, пусть они говорят за себя сами.

— Наши законы,— скажут они,— заключали в себе немало стеснений и принудительных мер против заблуждающихся в вере. Это правда. Но ведь это делалось *для их же пользы,* для того, чтобы привести их к истинной вере и тем спасти от мучений ада. Все эти законы и меры не заслуживают хулы, ибо не может быть греха в принуждении людей к *добру,* хотя бы и силою.

Так ли это? К добру ли принуждали такие законы? Конечно, нет. Насилием в делах веры можно принудить лишь к лицемерию. Но кто же сочтет лицемерие за добродетель?

И далее. Гонения служили будто бы на пользу самих гонимых, спасая их души от вечной смерти. Верно

ли это? Прежде всего следует отметить факт, что если казенная статистика насчитывала ежегодно десятки тысяч иноверцев, присоединившихся к православию под влиянием политики религиозных преследований, то число тайных и явных отпадений от православия вследствие отвращения многих членов церкви к этой политике насилий и сыска над совестью верующих всегда было гораздо больше. Оно составляло ежегодно, быть может, целые сотни тысяч. Таким образом, господа гонители ересей и неверующих, если признать вместе с ними, что лишь в православии можно спасти свою душу, «губили» своей политикой гораздо больше душ, чем «спасали». Мало того, они решительно никого не спасали. Не спасали потому, что и те десятки тысяч наименее религиозных иноверцев, которые — не по убеждению, а из одного лишь страха или корысти ради — начинали исполнять обряды господствующей церкви, не становились от этого православными. Они к своим старым грехам прибавляли этим лишь еще один новый грех — лицемерие, и стало быть, даже с точки зрения людей, считающих православие единоспасающей верой, ничуть к спасению своих душ не приближались. Выходит, что господа гонители вводили гонимых лишь в новый грех для их же пользы. Впрочем, стоит ли еще убеждать когонибудь, что ни пользы, ни добра насилие в делах веры и неверия никому, кроме самих насильников, не приносит.

— Чего же вы хотите?..— завопят враги свободы совести, притворяясь не понимающими сути дела.— Ведь православных в царской России было свыше восьмидесяти семи миллионов, а мусульман только тринадцать, иудеев — около пяти, всех же раскольников и сектантов не набиралось и трех миллионов[1]. Так неужто же можно было допустить, чтобы господствующей верой вместо православия было мусульманство, иудейство или вероучение какой-нибудь ничтожной кучки сектантов? Можно ли было предоставить такой кучке еретиков право совращать в свои ереси всех православных христиан, а этим последним заградить уста для проповеди?

[1] Это цифры старой казенной статистики.

Этого никто не требует. Ни одна религия не должна пользоваться покровительством государства в ущерб другим. Перед законом все должны быть равны: и мусульмане, и христиане, и язычники. Что дозволено одним, не может быть запрещено другим.

По отношению к государству религиозная вера есть частное дело каждой верующей души, и залезать в чужую душу в сапогах с жандармскими шпорами для проверки ее прав верить так, а не иначе — это кощунство большее, чем глумление в храме.

Церковь должна быть отделена от государства. Иными словами, каждая церковь, то есть каждая религиозная община, христианская или языческая, входит ли в нее миллион душ или только сто, должна быть уравнена в правах со всеми остальными религиозными сообществами. При таких условиях они будут бороться между собой лишь силой своих убеждений, ибо ни одна из них, даже самая многолюдная, не получит поддержки правительства для подчинения себе или угнетения прочих силою власти и оружия.

Ссылаться на право большинства угнетать меньшинство — в делах веры нелепее, чем где-либо. Если взять весь мир в целом, то в нем православные затерялись бы, как песчинка в море. Если же брать отдельные страны, то в царской России большинство составляли православные, а в Турции — мусульмане. Но можем ли мы признать справедливым, чтобы в Турции, где православные составляют меньшинство, их угнетали мусульмане и силой обращали в свою веру?

— Э, да нешто можно поганую мусульманскую веру равнять с христианской? — скажут нам на это.

Вот в том-то и горе, что, хотя на свете насчитывают до тысячи разных вер, последователи каждой из них — христиане ли это, мусульмане или язычники — только свою веру признают правильной, все же остальные — лживыми и погаными. Но заставь любого из них доказать ясно и бесспорно, почему только его вера хороша, а все остальные плохи, и он сразу спутается в своих мыслях и ничего не докажет. Не докажет потому, что в религиозных вопросах все решительно основано на одной лишь *вере*. В самом деле. Представим себе, для примера, спор людей разных вероучений.

17. Чья вера лучше?

— Наша вера лучше всех,— заявит христианин,— потому что она основана самим Христом, сыном божиим, тогда как основатели всех остальных религий — простые обманщики.

— Неправда,— воскликнут хором все иноверцы.— Основатели наших религий — Моисей, Мухаммед, Конфуций, Заратустра, Лао Цзы — не обманщики, а святые люди и великие пророки божии.

— Вы веруете, что ваш Христос — сын божий,— скажет буддист.— Пусть так. Основатель нашей религии, Будда, почитается нами за самого *бога*. Почему же нам признать вашу веру лучше нашей?

— А вот почему,— возразит христианин.— Вы слепо верите в ваших учителей и потому поклоняетесь и обоготворяете их. Нам же со стороны виднее, что все ваши мухаммеды и будды — лжепророки и самозванцы, тогда как наш Христос...

— Постойте, друзья,— перебьет обиженный мусульманин.— В таком случае почему бы и нам че сказать вам, христианам: вы ослеплены верою в вашего учителя и боготворите его, но нам *со стороны* виднее, что он обманщик и самозванец.

— Не горячитесь, господа,— вмешается в спор человек науки.— Кое-кто из ваших учителей, основателей великих религий, без всякого сомнения, не был обманщиком, если, конечно, вообще существовал. Если бы они обманывали, если бы они сами не верили со всем пылом религиозной страсти в то, чему учили, они не увлекли бы за собой столько последователей. Гораздо легче допустить, что эти вдохновенные основатели великих религий и пророки были близки к тому душевному состоянию, которое называют религиозным экстазом, или, если хотите, религиозной манией. Во всяком случае, они скорее сами обманывались, искреннейшим образом веруя в свое призвание творить волю богов и говорить от их имени, чем обманывали. Свидетельством же того, насколько чуждая обманов сильная вера способна заражать и увлекать за собою народные массы, могут служить многочисленные примеры несомненного религиозного помешательства, когда больные люди, воображая себя богами или проро-

ками, основывали новые вероучения и увлекали за собою целые толпы последователей. Этих мнимых «самозванцев» большею частью казнили, но их нужно было, конечно, только лечить[1].

18. Чудесное в религии

— Все это Христа не касается,— скажет христианин.— Не наше ослепление верою, а вся его чудесная жизнь — от непорочного зачатия через свята духа до воскресения из мертвых — свидетельствует нам о его божественном происхождении. И если нужны еще доказательства правоты и превосходства нашей веры перед всеми прочими, то разве ими не могут служить все те бесчисленные чудеса, какими прославили эту веру наши учителя и святые?

---

[1] Вот несколько примеров. В писании говорится о некоем Февде, который, «выдавая себя за кого-то великого», увлек за собой до 400 последователей. Вслед за ним явился Иуда Галилеянин и тоже «увлек за собою довольно народа». Но Февда был убит, погиб и Иуда, и ученики их рассеялись (Деяния, V, 36—37). В позднейшее время, около 1540 г., некий Николай из Мюнстера основал целую секту приверженцев, уверяя, что он выше Иисуса, который-де был только его прообразом. Выдавший себя за «сына божия» анабаптист Иорис (около 1556 г.) тоже имел массу учеников в Голштинии и Фризии. Около 1763 г. в Германии с успехом выдавал себя за мессию и собрался управлять миром егерь Иван Розенфельд. А у нас в России в 1649 г. объявился «Христос-искупитель» — Данило Филиппов и основал целую хлыстовскую секту. За ним следовал целый ряд других хлыстовских «христов» и «богородиц», и все они пользовались большим успехом. При императрице Анне власти сочли нужным даже вырыть из могилы и развеять в прах кости одного из таких «христов» — Суслова, у могилы которого не было отбоя от поклонников. В середине XVIII века на берегах Оки бродил некий турок, выдававший себя за Христа, с 12 учениками, мнившими себя апостолами. В 1808 г. сослан властями какой-то мордовский «бог» Кузька, который тоже имел 12 «апостолов». Около того же времени еще мучился в тюрьме основатель скопческой веры Селиванов, слывший у своих последователей за самого «господа Саваофа и с ручками и с ножками». В 1833 г. тщетно пытался вознестись на небо новый «Илья-пророк» — крестьянин Терентий. В 1836 г. в народе ожидали светопреставления, и поэтому явились сразу три «христа»: Лукьян Петров с «Ильей» и «ангелами», Евстигней Яковлев с 12 «апостолами» женского пола и Никифор Филиппов. И у всех у них были верные им ученики и последователи, и всем им пришлось так или иначе пострадать за веру... В домах для умалишенных и теперь можно встретить подобных «христов» и «пророков».

— Напрасно вы ссылаетесь на чудесное,— возразят иноверцы.— Каждый из нас мог бы порассказать тоже немало чудес про своих святых и учителей. И даже в жизни Иисуса, если верить не только вашим, но и нашим сказаниям, не было ничего столь чудесного, чего не случилось бы и в жизни других вероучителей.

— И в самом деле...— подхватит какой-нибудь из египетских учеников Платона.— Вы говорите о непорочном зачатии вашего Христа от девы Марии. Но разве мы не могли бы рассказать вам в свою очередь о том, как мать нашего учителя, тоже чистая дева Периктиона, испытала сверхъестественное зачатие через влияние бога Аполлона и как этот бог возвестил Аристопу, с которым была обручена мать Платона, о чудесном происхождении ребенка[1].

— А разве в жизни нашего учителя,— поддержит буддист,— нельзя указать целый ряд столь же чудесных фактов, как и в жизни Иисуса? Едва родившись через непорочное зачатие, как это было предсказано его названному отцу святым старцем, Будда тотчас же прошел три шага и громовым голосом подал весть о своем величии. Предвидя это его величие, пять мудрецов пришли к ребенку, поклонились ему. Перед началом своего служения Будда, подобно Иисусу, подверг себя семинедельному посту и победоносно отверг все искушения злого духа Мары. В конце же своего служения Будда, как и Иисус, имел своего Иуду-предателя в лице Девадатты, который в союзе с сыном царя Бимбисары из зависти и честолюбия пытался погубить его. Но подосланные убийцы при виде Будды стали его учениками; дикий слон, усмиренный его кротким взглядом, покорно последовал за

---

[1] Основатель Рима Ромул, по сказаниям язычников-римлян, тоже был плодом случайной встречи бога Марса с девицей Реей Сильвией, когда та шла с кувшином за водой к источнику. Великий завоеватель Александр Македонский был, по таким же сказаниям, будто бы сыном бога Аммона, обманувшего его мать, прикинувшись змеем. Скопческий «искупитель» Селиванов, по верованию скопцов, тоже родился «от чистые и непорочные девы Елизаветы Петровны». Вообще такие легенды, в которых народ возвеличивал своих любимых героев и святых, не составляют редкости в истории человечества.

ним, и даже скала, которая должна была раздавить Будду, чудесно остановилась над его головой. Когда же Будда умер — содрогнулась земля и послышались раскаты грома, и среди них раздались слова бога Брамы... Вы говорите, что Иисус умер и воскрес, но Будда, по нашему писанию, умирал и снова возрождался для земной жизни много раз, а не однажды только. Чем же наша вера хуже вашей или всякой иной?

— А тем,— возразит христианин,— что те рассказы про чудеса, в которые вы верите, такая же человеческая выдумка, как былины про богатырей Вольгу Святославича и Садко, богатого гостя, или сказки про Кащея Бессмертного да бабу Ягу — костяную ногу, тогда как христианские сказания о чудесах истинны.

— Вы не верите в наши чудеса,— скажут иноверцы.— Ну что ж! А мы на тех же основаниях не станем верить вашим. Чем же вы тогда докажете нам правоту вашей веры?

— Положение действительно трудное,— может тут заметить человек науки.— В наше время, как известно, чудес не бывает. В истине же тех рассказов о чудесах далекого прошлого, которые дошли до нас от наших легковерных праотцов, мы вполне можем усомниться. Эти праотцы верили ведь даже в сказку о трех китах, на которых будто бы земля держится. Не верить же и нам в такую нелепицу! Впрочем, если бы век чудес и не миновал еще и если б какой-нибудь волшебник сказал мне: «Три больше десяти, а в доказательство этого я превращу эту палку в змею»,— я был бы удивлен его ловкостью, но все же не согласился бы с его мнением. Выдумки о чудесах непригодны в качестве доказательств.

19. Что нового в христианстве?

— Для тех, кто не верит в чудеса,— скажет христианин,— лучшим доказательством божественного происхождения и превосходства нашего вероучения пред всеми прочими может служить уже самое его содержание.

— Полно, так ли это?..— усомнятся иноверцы.— Действительно ли в христианстве заключается что-ни-

будь новое или более возвышенное по сравнению с другими вероучениями?

— А разве не ново учение Христа о загробном воздаянии добрым и злым и о воскресении всех человеков?..— скажет христианин.

— Нет, не ново...— ответит последователь древнеперсидской религии зороастризма. Наш великий учитель Заратустра более чем за *тысячу лет* до Христа учил, что добрые после смерти войдут в жилище света и славы, злые же — в вечный мрак, в жилище бесов. «Верующие,— сказано в наших священных книгах,— будут восседать на небе с (богом добра) Ормуздом; в конце же времен мертвые воскреснут и будут жить на земле, которая тогда освободится от всякого зла».

— Ну, пусть это не ново!..— воскликнет христианин.— Но у кого еще, кроме христианских учителей, можно найти столь светлые и возвышенные истины, как, например, вот эти: «Любовью служите друг другу. Ибо весь закон в одном слове заключается — люби ближнего твоего, как самого себя» (Галатам, V, 13—14). «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий» (1 коринф., XIII, 1). «Не судите» (Матф., VII, 1). «Не мстите за себя» (Римл., XII, 19). «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас» (Матф., V, 44). «Побеждай зло добром» и т. д. (Римл., XII, 21). Это уж новые заповеди. Сам Христос сказал: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга» (Иоанн, XIII, 34).

— Значит, и Христос ошибался,— возразит конфуцианец.— Заповедь любви по меньшей мере *на 2400 лет* старше христианства. По свидетельству Конфуция, жившего в 551—479 гг. до рождества Христова, эта заповедь была известна еще императору Куху, который жил за 2435 лет до появления христианства. «Нет добродетели,— говорил этот император,— *выше любви ко всем* людям».

— Не ново ваше учение,— подтвердит и даосист.— Основатель нашей религии мудрец Лао Цзы еще за 600 лет до христианства учил: «*Не судите* своих ближних... Будьте целомудренны и не карайте других... Учитесь прощать несчастному его испорчен-

ность... Истинно добрый человек *любит всех людей* и не отвергает никого». «Плати — *добром на зло* и за оскорбления мсти благодеяниями»,— заповедал нам Лао Цзы. Разве это не то же, чему спустя 600 лет учил ваш Христос?

— А разве в наших священных законах Ману,— скажет сторонник брахманизма,— не содержится таких же заповедей всякому подвижнику, как и в евангелии? «Пусть он,— говорит Ману,— терпеливо выслушивает грубые слова, пусть никого не оскорбляет и не делается ни чьим врагом... Пусть не платит гневом за гнев, пусть он *благословляет проклинающих его»*. Чем же это хуже евангельского учения? А ведь законы Ману столетий на пять старше евангелия.

— Тому же учил и Будда,— скажет последователь буддийской веры.— «Покоряй гнев терпением, *покоряй зло добром,* покоряй скупого дарами, а лжеца истиной» — вот подлинные слова Будды, жившего за пять веков до Христа. Чем же учение этого кроткого мыслителя уступает евангельскому учению? Ведь Будда не был лицемером. «Прекрасные слова, не осуществленные на деле,— говорил этот мудрец,— подобны красивому яркому цветку без запаха». И примером своей собственной жизни, полной самоотречений и жертв, доказывал он истину своего учения.

— Поверьте,— мог бы прибавить к этому человек науки,— что не только из среды иноверцев, но из среды людей без всякой веры в какого бы то ни было бога можно привести тысячу примеров того, как эти люди, становясь в ряды борцов за рабочее дело, всю свою жизнь посвящали служению заповеди любви, любви ко всем трудящимся и обремененным, любви к своим братьям по труду и борьбе за общие идеалы. Любовь к ближним присуща людям очень различных и даже противоположных верований и убеждений, и потому присутствие заповеди любви в том или другом учении вовсе еще не доказывает божественности происхождения этого учения.

— Э, что вы там мудрствуете лукаво,— выйдет наконец из терпения христианин.— Что бы вы там ни говорили, все равно мы останемся при своем убеждении. Наша вера лучше и правее всех, потому что она основывается не на человеческих рассуждениях, а на

свидетельстве священного писания. В нем же не может быть неправды или обмана, так как его писали не простые люди, а боговдохновенные пророки и апостолы божии.

— Прекрасно,— воскликнут иноверцы.— Вы останетесь при ваших убеждениях, а мы — при своих. И у нас ведь есть свои священные книги, которым мы доверяем не меньше, чем вы — вашим.

— Вы не допускаете неправды в вашей Библии,— прибавит мусульманин,— хотя она дело рук человеческих. Но как же в таком случае нам допустить какой-либо обман в нашем Коране, который продиктован Мухаммеду самим Аллахом через архангела Джебраиля?

— Или как нам,— подхватит сторонник зороастризма,— не доверять нашей священной книге Авесте, когда ее вручил Заратустре сам бог Ормузд?..

Так или приблизительно так должен закончиться всякий религиозный спор между вполне убежденными последователями разных вероучений. Конечно, спорить они могли бы и дольше. Христианин мог бы еще, например, укорить язычников за их поклонение грубейшим идолам-чурбанам. Мог бы он посмеяться и над иными из языческих обрядов, вроде того, по которому, «чтобы очистить сердце,— по наивному верованию индусов,— полагается втянуть немного воды через одну ноздрю и выпустить ее через другую». Таким манером можно, дескать, прочистить лишь нос, а не сердце.

Но и язычники не остались бы в долгу. Они указали бы, что и в крестильной купели христиан омывается только кожа. Однако это не мешает им верить, что в этой купели, «кроплением очистив сердца от порочной совести» (Евреям, X, 22), можно омыть от греха их души. Они напомнили бы, что и у православных христиан в божницах не редкость встретить изображения троицы в виде человека о трех головах, богородицы-троеручицы с тремя естественными руками, мученика Христофора с песьей головой и т. п. Так вот, когда христиане поклоняются подобным изображениям, разве это чем-нибудь отличается от самого грубого идолопоклонства?..

Если, однако, даже в спорах с иноверцами христианин не может доказать бесспорного превосходства

отстаиваемых им религиозных истин, то тем труднее найти что-либо неоспоримое в тех тонких и запутанных разномыслиях, какие разделяют самое христианство на сотни разнообразнейших толков, сект и согласий.

20. «Достоверность» буквы писания

В самом деле. На чем можно основывать достоверность тех или иных истин христианской церкви? Очевидно, либо на свидетельствах писания, либо там, где их не хватает, на преданиях «отцов церкви» — апостолов и архипастырей. Так учит православная церковь. Но можем ли мы безусловно положиться на все то, что сохранило устное предание «отцов церкви»? Нет, не можем, потому что они такие же люди, способные и забывать и заблуждаться, как и мы, грешные. Кроме того, по свидетельству Григория Богослова, «наши отцы и учителя часто говорили не то, что думали, а то, что их заставляли говорить обстоятельства и необходимость».

Чтобы видеть, как грубо заблуждались иной раз «отцы церкви», приведем пару примеров из русской истории. Еще два с половиной века тому назад русский патриарх Адриан (умер в 1700 г.) издавал послания против брадобрейцев. Ссылаясь на священное писание и доказывая, что человек без бороды теряет образ божий и уподобляется «псу или коту», патриарх равнял брадобрейцев еретикам, заслуживающим проклятия. А через несколько лет после такого послания, в 1698 г., из-за границы вернулся бритый царь Петр I и стал собственноручно брить бороды у своих бояр и купечества. И что же? Проклял его патриарх? Отлучил от церкви? Ничего подобного. Святые отцы живо переменили свое мнение на этот счет. Бог — дух, сказали они теперь без запинки, духи же, дескать, не бреются, как это нам достоверно известно, уже потому, что им нечего брить. Поэтому бритые цари вовсе не теряют образа божия, все же не согласные с этим суть явные еретики и достойны анафемы... Правее ли были святые отцы в этом вопросе до 1698 г. или после — нам не важно. Во всяком случае, раньше или позже этого года они несомненно заблуждались.

Другой пример. Стоглавый собор 1551 г., на котором был собран весь цвет православного духовенства, осудил и предал проклятию троеперстие и тройную аллилуйю и установил, что креститься следует двумя перстами, а «аллилуйя» повторять не больше двух раз подряд[1]. Но прошло столетие. Собрался новый церковный собор в 1667 г. и вынес новое решение. Проклятия Стоглава на троеперстие и тройную аллилуйю он отменил, предав проклятию вместо этого двоеперстие и двойную аллилуйю, а отцов Стоглава обозвал в своем соборном постановлении невеждами. Мы не беремся решать здесь, который из этих двух соборов был невежественнее. Так или иначе, но один из них заблуждался. От заблуждений, стало быть, не застрахованы не только отдельные «отцы церкви», но даже целые соборы их. Значит, на предания и толкования святых отцов положиться, безусловно, никак невозможно.

Остается священное писание. В нем, по удостоверению апостолов, содержится «слово божие». Писано оно по «откровению Иисуса Христа», причем «богодухновенны» в нем не отдельные места, а вообще «все писание богодухновенно» (1 фессал., II, 13; Галатам, I, 12; 2 Тимоф., III, 16). В нем не должно бы быть поэтому никаких ошибок, ни единой буквы неверной. На него-то уж, казалось бы, можно положиться. Но так ли это на деле? Попробуем сравнить, одинаково ли рассказано у разных евангелистов про одни и те же факты, про одни и те же слова и дела Иисуса. Не перечат ли евангелисты в чем-нибудь сами себе или друг другу? В писаниях простых смертных это бывает, конечно, сплошь и рядом, но в боговдохновенном слове божием ничего подобного не должно быть ни под каким видом. Проверим.

---

[1] Тот же Стоглав предал торжественному проклятию в качестве «эллинских беснований» песню, пляску, музыку, а также употребление колбасы, зайцев и тетеревов. Подозревает ли ныне какой-нибудь верующий, отхватывая трепака в присядку или мирно завтракая куском колбасы, что его присядка — не присядка и колбаса — не колбаса, а все это «эллинские беснования», сам же он окончательно погибший человек, так как на его голову должна пасть соборная анафема всех святых отцов Стоглава?!

Что же оказывается? Да именно то, чего не должно было бы быть. Евангелисты и апостолы не только по-разному передают одни и те же слова и факты, но и явно перечат друг другу то и дело. Сравним у разных евангелистов ну хоть имена избранных самим Иисусом двенадцати его апостолов. Ясное дело, что имена эти везде должны были бы быть одни и те же. На деле же это не так. У Матфея (X, 2—4) в числе двенадцати апостолов назван Леввей, прозванный Фаддеем. У Луки же (VI, 13—16) Леввея нет, а вместо него назван Иуда Иаковлев [1], которого, в свою очередь, нет у Матфея. Как же это объяснить? Неужто евангелисты не знали твердо даже имен всех двенадцати апостолов? И кто из них прав? Матфей или Лука? Мы не беремся решать этого. Во всяком случае, один из них неправ, следовательно, и в евангелии есть ошибки. Другой пример. В евангелиях родословие Иисуса приводится дважды: у евангелиста Матфея (I, 1—16) и у Луки (III, 23—28). И одно с другим совершенно не сходится. По Матфею, муж девы Марии Иосиф был сыном Иакова, сына Матфана, сына Елеазара, сына Елиуда и т. д. По евангелисту Луке, тот же Иосиф был сыном Илии, сына Матфата, сына Левии, сына Мелхия, сына Ианная и т. д. По Матфею, Иисус приходится потомком царя Давида в двадцать восьмом поколении, по Луке — в сорок втором... Опять-таки очевидно, что по меньшей мере один из них, если не оба, ошибается. Каким же образом возможны такие ошибки в «богодухновенном» писании?

Нам скажут, что в подлинных писаниях евангелистов таких вопиющих разноречий, быть может, и не встречалось. Но эти подлинники, к сожалению, давно затерялись. Дошедшие же до нас многочисленные списки с них, несомненно, при многократном переписывании их значительно искажались. Из сличения всех известных списков видно, что только в разные списки Нового завета переписчики, вольно или невольно, внесли путем пропусков, вставок и искажений до *восьмидесяти тысяч* разноречий, из которых многие весьма существенны. Таким образом, все ошибки в

[1] Не нужно смешивать с Иудой Искариотом, который значится у обоих евангелистов.

священном писании, какие там можно отметить, надо, дескать, отнести на счет не самих евангелистов, а их позднейших искажателей.

Допустим, что это так. Допустим, что в подлинниках писания не было ошибок. Но ведь этих подлинников у нас нет. А списки полны искажений. Каким же образом можно полагаться вполне безусловно даже на свидетельство священного писания, когда мы не в силах отличить, что в нем принадлежит евангелистам, а что — их искажателям? Ведь и про единую букву писания никто не сможет сказать теперь с полной достоверностью, что это неискаженное слово божие, а не отсебятина какого-нибудь полуграмотного монаха-переписчика. А если это так, то вправе ли хоть одна христианская церковь, опираясь на какую-нибудь букву писания, терзать и насиловать совесть всех остальных христиан, основывающих свои верования на какой-нибудь иной букве того же писания?

21. Дух писания

Но тут нам скажут, пожалуй, что в религиозных спорах не всегда же дело идет лишь о мертвой букве, то есть об отдельных словах писания. Слова, конечно, искажались переписчиками до неузнаваемости. Но не могли же они в такой же степени исказить и самый смысл христианского учения, его дух? Значит, в писании остается все же нечто достоверное, на что можно вполне положиться и что стоит отстаивать.

Однако стоит лишь попробовать определить, в чем именно заключается этот дух, чтобы убедиться, что нет ничего более спорного, чем эта мнимая достоверность. Если предоставить это дело какому-нибудь угнетателю, то самый подлинный дух христианства будет заключаться в том, чтобы всякий в покорном смирении терпеливо давал себя стричь попам и властям предержащим в ожидании загробного воздаяния. Рабочий найдет в том же писании смысл совершенно противоположный. А между тем каждый из них будет основываться на самых недвусмысленных словах писания. В самом деле. Предоставим слово капиталисту.

— Мятежные мечтатели, ропотники, ничем не довольные!..— воскликнет он, обращаясь к рабочим.—

Вы добиваетесь равенства, братства, свободы, вы хотите упразднить нищету и горе из этого мира скорби и воздыханий. Вы призываете к оружию, к борьбе за эти требования, вы призываете к бунту против существующего строя жизни и властей предержащих!.. Мятежные мечтатели!.. Разве вы забыли слово писания, по которому «все, взявшие меч, мечом погибнут» (Матф., XXVI, 52). Нищеты и неравенства уничтожить невозможно, да и не следует. «Нищие всегда будут среди земли»,— учит нас писание (Второзаконие, XV, 11). И еще сказано: «Каждый оставайся в том звании, в котором призван» (1 коринф., VII, 20). Слугою ли ты призван или господином, нищим ли или миллионером — оставайся в том звании, в каком призван. Но какое может быть братство между слугою и властелином и какая свобода у голодного? Вы добиваетесь равенства, а в писании сказано: «Слуги, со всяким страхом повинуйтесь господам, не только добрым и кротким, но и суровым» (1 Петра, II, 18). Вы хотите изгнать из мира неправду и угнетение и тем самым идете против воли божией, «ибо то *угодно богу,*— свидетельствует апостол,— если кто, помышляя о боге, переносит скорби, *страдая несправедливо».* Терпите же до конца, ибо «если, делая добро и страдая, *терпите,* это угодно богу» (1 Петра, II, 19—20).

В своей неизреченной дерзости вы не останавливаетесь даже перед ниспровержением власти сильных мира сего. Безумцы! Вспомните слова апостола: «Будьте покорны всякому человеческому начальству... царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемых» (1 Петра, II, 13—14)... «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от бога... Посему противящийся власти — противится божию установлению» (Римл., XIII, 1—2). Таких же ожидает страшное возмездие: «Как Содом и Гоморра... подвергшись казни огня вечного, поставлены в пример, так точно будет и с сими мечтателями, которые... отвергают начальства и злословят высокие власти» (Иуда, I, 7—8). Так гласит священное писание.

— Фарисеи вы и лицемеры! — ответит на это рабочий.— Мы не обращаемся к священному писанию для обоснования наших требований, ибо они обосновыва-

ются у нас научно, и нам не нужны библейские побасенки. Но если бы мы захотели, то могли с не меньшим правом, чем вы, сослаться на писание. Ведь первые христиане, эти угнетенные рабы и бедняки, хотя и надеялись лишь на небесную помощь и лучшую жизнь в потустороннем мире, все ж сурово обличали современных им угнетателей. Недаром эти угнетатели честили их именем «всесветных возмутителей» (Деяния, XVII, 6). Недаром их считали «язвою общества, возбудителем мятежа» и т. п. (Деяния, XXIV, 5). Чего же добивались эти всесветные возмутители?.. «Стойте в свободе и не подвергайтесь опять игу рабства... К свободе призваны вы, братия»,— говорит апостол (Галатам, V, 1, 13). И мы стоим за свободу. Да не будет «иным убо отрада, вам же скорбь, но по изравнению», чтобы «кто собрал много, не имел лишнего; и кто мало, не имел недостатка...» «Да будет равенство!..» — гласит писание (2 коринф., VIII, 13, 15, 14) [1]. И мы стоим за равенство.

Не возвеличивайте себя друг перед другом и так, как это делают фарисеи. Не называйте себя ни наставниками, ни учителями, «ибо... все же вы — братья» (Матф., XXIII, 8). «Будьте братолюбивы друг ко другу с нежностью»,— гласит писание (Римл., XII, 10). И мы стоим за братство.

Вот каков дух писания: куда повернешь, туда и вышло!

— Мы знаем, конечно,— скажет далее рабочий,— что, покуда будут богатые и бедные, властители и подвластные, не будет ни равенства, ни братства, ни свободы. Но мы знаем и то, что все это не вечные установления. Вы, капиталисты, говорите, что нищие всегда были и будут. Но ведь в том же писании, на которое вы ссылаетесь, говорится, что во времена раннего христианства, когда у всех верующих «было одно сердце и одна душа; и никто ничего из своего имения не называл своим, но все у них было общее — не было между ними никого нуждающегося» (Деяния, IV, 32, 34). На деле, конечно, первые христианские общины

[1] Сравни славянский и русский текст: в русском переводе вместо «равенство» стоит «равномерность», переводчики, по-видимому, смягчили церковнославянский текст.

не могли устранить нищеты в обществе при помощи совместных трапез. Уничтожить нищету можно только при социализме, когда все необходимое для общего труда на общую пользу, то есть прежде всего земля, фабрики и заводы, является, как свет и солнце, общим достоянием всех трудящихся.

Не заботясь ни о ком и ни о чем на свете, кроме собственной персоны и своей туго набитой мошны, вы дерзко осуждаете это требование социализма. Лицемеры! Разве вы забыли слова Иоанна Златоуста, что даже самое слово «мое» происходит от дьявола: «Вся бо нам общая сотворил есть бог, яже суть нужнейшая», и что нельзя сказать: мой свет, мое солнце, моя вода, мой лес, моя земля и т. д.

Вы угрожаете нам, что поднявшие меч против вас, насильников и братоубийц, от меча погибнут. Вы призываете наших братьев рабочих к кротости и терпению и уверяете, будто их незаслуженные страдания угодны не только вам, торгашам человеческим трудом и кровью, но и самому богу. Вы напоминаете нам о заповеди всепрощения и непротивления злу. А следуете ли вы сами этой заповеди? Ведь и Христос бичом изгонял торгашей из храма и обличал властных фарисеев в неправде. Им он не прощал, стало быть, их лицемерия.

В евангелии говорится: «Не думайте, что я пришел принести мир на землю; не мир пришел я принести, но меч» (Матф., X, 34). И в другой раз: «Думаете ли вы, что я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение, ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться, трое против двух, и двое против трех». «Огонь пришел я низвесть на землю и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!» (Лука, XII, 51—52, 49).

Фарисеи и лицемеры! Вы не затрудняетесь, конечно, оправдывать словами писания иго вашей эксплуататорской власти. Но вас обличат слова того же писания: «В те дни, когда,— по писанию,— не было царя у Израиля, каждый делал то, что ему казалось справедливым» (Судей, XVII, 6), то есть, говоря иначе, не знал над собой иной власти, кроме велений собственной совести. И что же? Худо это было в очах господа? Нет, видно, не худо, потому что бог сильно прогневался, когда его избранный народ, соблазнив-

шись примером «прочих народов», решил избрать и себе царя. Устами прозорливца Самуила господь бог такими словами предрек тогда народу все, чего ему следует ждать от царя: «Сыновей ваших он возьмет... и сделает всадниками своими, и будут они бегать перед колесницами его, и поставит их... чтобы они возделывали поля его... И дочерей ваших возьмет, чтобы они... варили кушанье и пекли хлебы. И поля... и сады ваши лучшие возьмет, и отдаст слугам своим... И от посевов ваших: возьмет десятую часть... и восстенаете тогда от царя вашего, которого вы избрали себе...» «И увидите, как велик грех, который вы сделали пред очами господа, прося себе царя» (1 Царств, VIII, 11—18, и XII, 17).

Таковы слова писания. Вот и опять находим мы в нем утверждения, которые могут использовать люди, стоящие на противоположных позициях.

Вы дерзаете осуждать тех «мечтателей», которые отвергают власть сильных мира сего. Но и первые христиане принадлежали к их числу. «Облекитесь во всеоружие божие,— говорил апостол,— ...потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Ефес., VI, 11—12). И в писании говорится, что Иисус «упразднит всякое начальство и всякую власть и силу» (1 коринф., XV, 24).

Даже борьба рабочих против капиталистического рабства может при желании истолковываться в духе того же писания, которым капиталисты оправдывают свою эксплуатацию трудящихся: «...еще немного, очень немного, и грядущий придет и не умедлит» (Евреям, X, 37). Это рабочий класс разных стран грядет железной поступью к своему самоосвобождению. В пламени революционных стихий сгорит до конца весь старый, буржуазный мир пошлости и угнетения, и, дождавшись нового неба и новой земли, на которых обитает правда, «мы будем царствовать на земле» (2 Петра, III, 13; и Апокал., V, 10). Вот что говорит писание. «Теперь,— воскликнем мы его словами,— кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч» (Лука, XXII, 36).

— Так,— скажет рабочий,— могли бы мы истолковывать писание, хотя на деле мы и не нуждаемся в этом. Мы в корне отвергаем всякие попытки некоторых «социалистов» выводить свои «социалистические» идеалы из текстов писания, как ненаучные и вредные. Мы пользуемся подобным истолкованием лишь для того, чтобы еще ярче вскрыть противоречивость писания.

Кто же прав в этом споре, капиталист или рабочий? Ведь каждый из них основывается на подлинных словах писания.

В писании действительно содержится сколько угодно утверждений, взаимно противоречивых не только по букве, но и по духу. И именно поэтому писание представляет собой арсенал духовного оружия, которое использовалось людьми самых разнообразных и даже взаимно противоположных взглядов. Оно давало богатейший материал для всех ересей и расколов. С его помощью можно все доказать. Даже противоестественное требование секты скопцов, даже требование самокалечения основывается на самых недвусмысленных словах писания. «И есть скопцы,— говорит Иисус,— которые сделали сами себя скопцами, для царства небесного. Кто может вместить, да вместит» (Матф., XIX, 12).

— Но как же быть в таком случае? — спросит верующий.— На чем же тогда основываться, если и в писании нет ничего бесспорного?

«Всякий поступай по удостоверению своего ума»,— отвечает на это апостол (Римл., XIV, 5). «Много-де в писании,— решали тот же вопрос духоборцы,— иное тому, иное другому пригодно, а мы-де принимаем то, что нам следует». Иными словами, всякому предоставляется выбирать в нем то, что ему подскажет разум. Других же оснований для выбора нет.

Но чего же стоят тогда евангельская мудрость и само писание, если и угнетенный, и угнетатель могут истолковывать их при желании каждый на свой лад? Ответ может быть только один: ничего не стоят. Как успешно можно с помощью писания доказывать все, в чем кто-либо заинтересован, об этом легко составить представление, выслушав какого-нибудь сектанта, спорящего с иноверцами.

Итак, предоставим слово сектанту.

22. Обрядность церкви

— Вы хотите знать, почему мы отрицаем церковные обряды и догматы?..— скажет сектант, обращаясь к церковникам.— Извольте. Мы их не признаем потому, что все они противны и слову божию и разуму человеческому. В самом деле. Вы строите себе роскошные храмы из мрамора и гранита, загромождаете их раззолоченными изображениями всевышнего и святых и кадите перед ними бесчисленные вечерни и заутрени, всенощные и обедни, молебны и панихиды. Но к чему все это? Подумайте! Нужны ли богу пышные храмы, угодны ли ему золотые чаши и парчовые ризы и прочие драгоценности, которыми украшают себя его праздные служители? Приятны ли ему все ваши поклоны и благовония и прочие обрядности богослужения, когда вы не исполняете той его заповеди, в которой «весь закон» заключается,— заповеди «любовью служить друг другу»? Мы думаем, что все это не нужно и не угодно богу. Ваши храмы и каждение в них лишь унижают его достоинство, потому что «бог, сотворивший мир и все, что в нем, он, будучи господом неба и земли, не в нерукотворенных храмах живет, и не требует служения рук человеческих, как бы имеющий в чем-либо нужду» (Деяния, XVII, 24—25).

Людям не нужны храмы, ибо каждый из них «храм бога живого, как сказал бог» (2 коринф., VI, 16). Но многие из них усердно ходят в храмы из камня и железа. Фарисеи! Скажем мы им словами апостола: «Разве вы не знаете, что вы храм божий и дух божий живет в вас? Если кто разорит храм божий, того покарает бог, ибо храм божий свят, а этот храм — вы» (1 коринф., III, 16—17). Таковы слова писания. Из этих слов мы заключаем, что людям гораздо важнее содержать в чистоте храм своего сердца, чем поддерживать благолепие каменных и деревянных храмов. И мы отрицаем эти внешние храмы.

Отрицаем мы и почитание икон. В первые века христианства икон не было. Церковный собор в Эльвире торжественно запретил «изображать на стенах предметы поклонения и почитания». Великие же «отцы церкви» IV века Евсевий и Златоуст без обиняков называли употребление икон *идолопоклонством.* И дей-

ствительно, разве не сказано в писании: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли, не поклоняйся им и не служи им» (Исход, XX, 4—5). Но люди, как видно, сильно развратились. Они забыли эти заповеди, и хотя бога, по слову апостола, «никто из человеков не видел и видеть не может» (1 Тимоф., VI, 16), его изображают ныне не только в виде мужчины (бог Саваоф), но даже в виде птицы крылатой (святой дух в виде голубя). Мы уж не говорим об изображениях святых с песьими головами, а также троеруких, трехголовых и тому подобных существ, которым тоже поклоняются многие христиане. По-нашему, все это идолопоклонство.

Отвергаем мы и поклонение угодникам божиим, а также их мощам и тому подобным предметам. Отвергаем потому, что только одному всевышнему надлежит поклонение: «Единому премудрому богу честь и слава» (1 Тимоф., I, 17). Даже апостолам и самим ангелам божиим, как об этом неоднократно свидетельствует писание, не следует поклоняться. Так, например, когда апостол Петр вошел к язычнику Корнилию, «Корнилий встретил его и поклонился падши к ногам его. Петр же поднял его, говоря: встань; я тоже человек» (Деяния, X, 25—26). В другом месте апостол Иоанн рассказывает, как он «пал к ногам ангела... чтобы поклониться ему». Но ангел сказал апостолу: «Смотри, не делай сего, ибо я сослужитель тебе и братьям твоим пророкам и соблюдающим слова книги сей, богу поклонись» (Откровение, XXII, 8—9). Тем более, стало быть, не следует поклоняться безжизненным изображениям хотя бы и наиболее праведных человеков или их бренным останкам. Ведь, по свидетельству писания, «и кости священников, и кости пророков» точно так же, как и кости царей и простолюдинов, в конце концов «будут навозом на земле», и только (Иеремии, VIII, 1—2). Не поклоняться же нам навозу!

Отвергаем мы вообще всю внешнюю, показную сторону религии. «Бог есть дух,— учил нас Иисус,— и поклоняющиеся ему должны поклоняться в духе и истине» (Иоанн, IV, 24). Это значит, что поклоняться богу нужно духовно, творя дела правды, а не напоказ,

в громких молитвословиях, изнурительных постах и затейливых обрядностях. К чему, в самом деле, все эти многочисленные обрядности богослужения, если бог вовсе «не требует служения рук человеческих, как бы имеющий в чем-либо нужду» (Деяния, XVII, 25). К чему все эти бесконечные ектеньи и прошения за каждой обедней, если «знает отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у него» (Матф., VI, 8). К чему, наконец, все эти фарисейские предписания о постах, ведь, по учению Иисуса, «не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст» (Матф., XV, 11). «Итак, никто да не осуждает вас за пищу, или питие». «Все, что продается на торгу, ешьте без всякого исследования». Так учит нас апостол (Колос., II, 16, и 1 коринф., X, 25).

Бог не требует служения человеков. Не нуждается он, стало быть, и в особых специалистах богослужения. Но к чему же нам тогда вся эта пышная лестница «отцов духовных» — от диаконов до митрополитов и патриархов? Разве в писании не сказано: «...и отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас отец, который на небесах» (Матф., XXIII, 9)? К чему все эти высокие чины церкви, к чему все эти «преподобия» и «преосвященства», когда Иисус запретил кому бы то ни было из вас называться даже учителями и наставниками, ибо один у вас учитель и наставник — Христос, «все же вы братья» (Матф., XXIII, 8, 10). «Научайте и вразумляйте друг друга»,— говорит апостол, обращаясь ко всем христианам (Колос., III, 16). Стало быть, и для этой цели не требуется особого посвящения в какой-либо сан. К чему же тогда вся духовная иерархия? Мы отвергаем ее.

23. Таинства и догматы

— Вы спросите теперь,— продолжит сектант,— какое значение придаем мы различным христианским таинствам вроде крещения и причащения, а также догматам церкви о непорочности девы Марии, о божественности Иисуса Христа, о единосущности пресвятой троицы... Мы ответим: суть учения Иисуса не в этих догматах и таинствах, а в его нравственных заповедях. К тому же все эти установленные цер-

ковью догматы и таинства вовсе не подтверждаются словом божиим.

В самом деле. Возьмем хоть таинство водного крещения. Нам говорят, что сам Иисус крестился в Иордане. Верно. Но ведь он и обрезался по иудейскому закону. Не установить ли нам по этому случаю еще одно таинство — обрезания? Иисус принял водное крещение от Иоанна Крестителя. Это так. Но окрестил ли он сам таким образом хотя бы ближайших своих учеников — апостолов? Нет, он сам никого не крестил. «Хотя сам Иисус (по свидетельству писания) не крестил, а ученики его» (Иоанн, IV, 2), скажут нам на это, «...но он сам заповедал им крестить все народы». Опять-таки верно. Но каким крещением? Водою или учением? «Я крестил вас водою,— говорил Иоанн Креститель,— а он будет крестить вас духом святым» (Марк, I, 8), то есть истиной. И Иисус, посылая апостолов крестить народы, действительно не о воде говорил им. «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя отца и сына и святого духа, уча их соблюдать все, что я повелел вам» (Матф., XXVIII, 19—20). Значит, дело идет не о воде, а о проповеди. Или, говоря словами апостола о крещении, «не плотской нечистоты омытие, но обещание богу доброй совести, спасает...» (I Петра, III, 21). В таком крещении не было ничего таинственного. Крестить — значило спропагандировать, сделать сознательным последователем христовой веры, и только. Но само собой разумеется, что крестить в этом смысле слова возможно только взрослых людей, как это и делали апостолы. Церковь, как раз наоборот, крестит грудных младенцев. Крестят их, конечно, только водою, ибо младенца ничему не научишь и не возьмешь с него обещания доброй совести. Крещение потеряло, таким образом, всякий смысл. Но, должно быть, именно поэтому оно стало называться таинством.

Обратимся теперь к таинству причащения. Нам говорят, что хлеб и вино, употребляемые в причастии, претворяются в плоть и кровь Христову и что таинство это установлено-де самим Иисусом на тайной вечере. И действительно, он говорил там, указывая на хлеб: «Сие есть тело мое» и т. д. Но только по грубому недоразумению возможно эти слова его понять в их буквальном смысле. Иисус постоянно говорил прит-

чами и иносказаниями. Можно ли, например, понимать буквально его слова о том, что у верующих в него «из чрева потекут реки воды живой» (Иоанн, VII, 38)? Ведь не только у нас, грешных мирян, но даже у самих смиренных «отцов» священного синода не вытекло доныне из чрева не то что реки, но и речонки. Или и они неверующие?.. Возьмем слова: «Я есмь хлеб жизни... Ядущий мою плоть и пиющий мою кровь имеет жизнь вечную» (Иоанн, VI, 48, 54). Можно ли их понимать буквально? Конечно, нет. Это только образное выражение, дело же идет вовсе не о плоти или крови, а об учении Иисуса. И он сам поясняет это словами: «Дух животворит; плоть не пользует нимало. Слова, которые говорю я вам, суть дух и жизнь» (Иоанн, VI, 63). Такой же духовный смысл имели и слова Иисуса на тайной вечере. Общая братская трапеза от одного хлеба и из одной чаши должна была стать постоянным напоминанием его учения о братской любви и его смерти во имя этого учения. Вот почему знаки этого общения в его воспоминание, преломляемый хлеб и общую чашу, Иисус уподобил своей плоти и крови. Но позднейшие его последователи извратили смысл этих слов, поняв их буквально. И вот, создав из братской трапезы затейливый и непонятный обряд, они окрестили его таинством. Таково же примерно происхождение и всех остальных таинств.

Остановимся теперь на некоторых догматах. Что означает, например, догмат о непорочности девы Марии? Возьмем рассказ о чудесном зачатии Иисуса. Но ведь, по свидетельству писания, кроме Иисуса Мария была матерью еще четырех его братьев — Иакова, Иосии, Симона и Иуды — и нескольких сестер (Марк, VI, 3). Причем, все эти братья Иисуса ровно ничем не выдавались из среднего обывательского уровня, «ибо,— по слову евангелиста,— и братья его не веровали в него» (Иоанн, VII, 5). Что же хотели сказать «отцы церкви», устанавливая этот догмат непорочности девы Марии? Не то ли, что, и будучи матерью целой полудюжины самых обыкновенных ребят, можно остаться все же непорочной девой? Или то, что и вся эта полдюжина была зачата ею, подобно Иисусу, через свята духа? Но не слишком ли много взваливать столько черной работы на духа свята? Так или иначе,

но во всяком случае святые отцы позабыли согласовать свое измышление с писанием.

Далее. Основательнее ли догмат о божественности Иисуса? Бог ли он или человек? В символе веры о нем говорится: «...рожденна, несотворенна, единосущна отцу, им же вся быша». По писанию, однако, выходит иначе. «Твердо убо да уразумеет, весь дом Израилев,— говорит апостол,— яко и господа и Христа его бог сотворил есть, сего Иисуса, его же распясте» (Деяния, II, 36) [1]. Но, будучи лишь одним из творений божиих, Иисус не может быть равным или даже единосущным самому богу, творцу вселенной. Ведь и прекраснейший храм не равен своему строителю. Не равен богу и Иисус. «Отец мой более меня»,— говорит он сам своим ученикам (Иоанн, XIV, 28). «Христу глава — бог»,— говорят за ним и апостолы (1 коринф., XI, 3). Правда, они очень часто называют Иисуса господом, то есть, говоря по-русски, господином, но ни разу богом. Даже Иоанн, любимейший из учеников Иисуса, говорит, однако: «Бога никто никогда не видел» (1 Иоанна, IV, 12). Значит, даже он не почитал Иисуса богом. Нам скажут, что сам Иисус очень часто называет бога отцом, а себя сыном божиим. Это верно. Но ведь тот же Иисус учил и всех нас обращаться к богу со словами «отче наш». «То есть не плотские дети суть дети божии», поясним мы это словами апостола, но «все, водимые духом божиим, суть сыны божии». «Все вы — сыны божии по вере во Христа Иисуса»,— говорит апостол, обращаясь к своей пастве (Римл., IX, 8; VIII, 14; и Галатам, III, 26). Значит, слова «сын божий» нельзя понимать в буквальном смысле. Но кто же, в таком случае, Иисус? А вот кто, отвечает нам писание: «Если бы кто согрешил, то мы имеем ходатая перед отцом, Иисуса Христа, праведника». «Ибо един бог, един и посредник между богом и человеками, *человек* Христос Иисус» (1 Иоанна, II, 1; 1 Тимоф., II, 5).

Основательнее ли, наконец, учение о единосущной и нераздельной троице богов: отца, сына и духа? Подтверждается ли оно словом божиим? Нисколько. В писании говорится, конечно, не раз об отце, и сыне, и

[1] В русском переводе: «Итак твердо знай, весь дом Израилев, что бог соделал господом и Христом сего Иисуса, которого вы распяли».

духе, но только один «отец» всех человеков именуется там богом. К «сыну» же и «духу святу» ни разу во всем Новом завете не применено слово «бог». Мало того, мы уже видели, что Иисуса, «сына божия», апостол называет без всяких иносказаний человеком, но не больше. А «дух,— по слову писания,— есть истина», и только (1 Иоанна, V, 6). Таким образом, скажем мы словами апостола, «нет иного бога, кроме единого» (1 коринф., VIII, 4). Триединый же бог, в состав которого входят нераздельно и бог, и человек, и истина,— это уже не бог, а просто неудачное измышление человеческое.

Вы, конечно, не согласитесь с нами. Это ваше право. Вы будете опровергать все нами сказанное — и доводами рассудка, и ссылками на святое писание. Добро пожаловать. Опровергайте.

Так скажет сектант.

И вновь видим мы, как одним и тем же «духом» писания обосновывается отрицание христианских обрядов и догматов столь же успешно, как и их утверждение.

Но все эти «отрицания», как и «обоснования» равно беспочвенны. Высмеивая поклонение иконам, мощам, критикуя церковные догматы, сектанты стремятся лишь очистить религиозные суеверия от наиболее грубых следов древних языческих верований, стремятся подновить религиозные догмы, придать им убедительный вид.

Но увы, эта задача непосильна даже самым заядлым буквоедам и начетчикам. Ведь смешно думать, что от признания или непризнания догмата о непорочности богородицы, от того, признается 7 догматов или 5, зависит существо религии. И православная, и сектантская, и всякая другая религия есть вера в несуществующего бога, рабское смирение и покорность, слепой страх перед вымышленными адом или грядущей расплатой. Поэтому мы и говорим, что всякая религиозная вера есть суеверие.

ГЛАВА III

ПРОПОВЕДЬ НЕВЕРИЯ

24. Ни чертей, ни богов

— Однако,— скажет какой-нибудь верующий упрямец,— должны же быть какие-нибудь границы терпимости. Конечно, можно кое-как примириться с известными различиями в обрядах и догматах христианских церквей да, пожалуй, и с существованием языческих исповеданий. Возможно даже допустить отрицание некоторых догматов и обрядов. Но мыслимо ли потерпеть отрицание всяких религий и даже самого бога, как это делают разные безбожники-вольнодумцы?

Однако, если следовать писанию, то нельзя и в таких спорах брать на себя роль судьи. Ведь, по писанию, «каждый из нас за себя даст отчет богу» и «судить друг друга» запрещается человекам (Римл., XIV, 12—13). А если это так, то кто же из человеков вправе судить этих «отрицателей»? Разве они не ответят за себя сами перед богом? Послушаем же внимательно все, что могут сказать в свою защиту они, и, если есть у них чему научиться, научимся, а нет — так останемся при своих взглядах.

Выслушаем теперь вольнодумца-безбожника.

— Заповедь любви к ближним, любви деятельной и бескорыстной,— скажет вольнодумец,— является для меня основой общественной морали. Но именно поэтому я отрицаю весь ненужный балласт суеверий и лжи, протаскиваемый в простые умы и сердца религией и мешающий людям свободно мыслить, без рабского страха жить и бескорыстно любить своих братьев. Мы в корне отвергаем существование ада и рая, чертей и богов. Все это старые басни, пригодные ныне лишь для устрашения бедных и слабых, на корысть богатым. Несостоятельность этих сказок особенно ясна в наш век всемогущей техники и положительной науки. И я убежден, что и многие верующие люди, вы-

слушав истину о религии, без сожалений отвернутся от своих кумиров. Пусть же смелые сердцем с радостью внемлют словам правды!

Человечество имеет за собой длинный ряд веков прожитого прошлого — всемирной истории. В течение этих веков оно не стояло на месте, но все время росло, развивалось, увеличивало свою власть над природой. И если мы заглянем в глубь времен, то увидим там не нынешнего властелина природы, а жалкого, беспомощного человека. Этот полуголый и вечно полуголодный человек был почти совершенно беззащитен против зноя и холода, против грозы и бурана, против дикого зверя.

И вот, чувствуя свою зависимость от окружающей среды, но не умея ее объяснить естественными причинами, он стал объяснять себе все непонятное, как умел. Подавляющая его природа казалась ему полной чудес и таинственности, а услужливое воображение населяло ее целыми сонмами живых существ: лешими, русалками, водяными, домовыми и тому подобными злыми и добрыми богами. Эти боги, в представлении первобытных людей, обладали, конечно, всеми теми же чувствами и способностями, страстями и пороками, что и люди. Они и любили, и ненавидели, и обманывали, и поддавались обманам, одним покровительствовали, других преследовали. Говоря короче, эти боги не людей создали по своему образу и подобию, а сами были созданы ими по этому рецепту.

Как бы то ни было, но с тех пор, как человек создал себе богов по своему подобию, ему стало «легче» жить на свете. Ему стало все понятно. Ударит ли гром — а он уже знает, что это бог Перун пустил свою стрелу. Завоет ли вьюга, метель — а ему опять-таки известно, с кем он имеет дело. Это баба Яга едет в своей ступе, помелом заметает. Приключилась ли какая беда в лесу на охоте — это леший попутал. Случилось ли удачно избежать опасности — это свой домашний бог-покровитель выручил. И каждая община, каждое племя стремились всегда иметь у себя под рукой поближе такого бога-покровителя, чтобы вовремя умилостивить его заклинаниями или жертвой и воспользоваться его заступничеством. Люди были

неприхотливы, и достигалось это очень просто. Всякий причудливый камень или чурбан, случайно напоминающий человеческие черты, мог стать и действительно становился в их глазах богом-покровителем. И лишь впоследствии, когда вкусы стали значительно прихотливее, богов стали изготовлять из дерева и металлов искусные мастера.

До революции в царской России среди отсталых и угнетенных племен Сибири бытовало немало таких первобытных богов и обычаев. Уходя на охоту или рыбную ловлю, эти дети природы усердно молили своих нехитрых богов об удаче и обильно мазали их деревянные губы салом и кашей. Когда же охота и после такой взятки богам кончалась плохо, то богов укоряли в лени и нерадивости, а подчас и секли их без всякой пощады.

Таковы зачатки представлений человека о боге и о религии.

Конечно, бог современных религий — единый и предвечный, невидимый и вездесущий, всеблагий и всемогущий — нимало не похож на тех жалких чурбанов, которых подчас мазали по губам салом, а подчас драли. Однако, как это ни странно может показаться, современный христианский бог приходится прямым, хотя и отдаленным, потомком именно таких жалких чурбанов. Иными словами, современные представления о боге, несмотря на всю их многосторонность и величие, выросли, постепенно изменяясь, именно из вышеуказанных представлений первобытных людей. Становясь культурнее и развитее, люди, естественно, становились все требовательнее к своим богам. Чтобы не терять к ним уважения, они должны были, сознательно или нет, приписывать им постепенно одно за другим все те качества, которые особенно ценили в себе. Но боги наделялись этими качествами, конечно, в превосходной степени, так что «сила» превращалась во «всемогущество», «знания» — во «всеведение», «доброта» — во «всеблагость» и т. д. С развитием человечества изменялись и его представления о боге. И в результате из поклонения грубейшим чурбанам выросла религия единого и бесплотного бога, творца и вседержителя. А порукой в том, что все это правда, может служить нам не что иное, как Библия.

25. Родословная библейского бога

В самом деле. Библия как нельзя лучше доказывает нам то, что и «избранный народ» божий в древнейший период своей истории пребывал, подобно прочим первобытным народам, в идолопоклонстве.

«Единый» бог Саваоф — это уже продукт значительно позднейших времен. До Авраама, «за рекою,— читаем мы в Книге Навина,— жили отцы ваши издревле, Фарра, отец Авраама и отец Нахора, и *служили иным богам».* Причем, вера в этих «иных богов» сохранялась, по-видимому, еще очень долго и после Авраама и даже после Моисея. Иначе зачем бы преемнику Моисея Иисусу Навину было взывать к народу: «Отвергните богов, которым служили отцы ваши за рекою и в Египте» (Навин, XXIV, 2, 14).

Что же это были за боги, которым служили «за рекою» Фарра и более древние патриархи «избранного народа»? В ответ на это приведем следующий поучительный рассказ из Библии. Когда Иаков уходил от Лавана, то его жена, дочь Лавана, «Рахиль похитила *идолов,* которые были у отца ее». Лаван догнал Иакова с упреками: «Зачем ты украл *богов моих?»*

«У кого найдешь богов твоих,— ответил Иаков,— тот не будет жив». Лаван принялся обыскивать шатры Иакова, но ничего не нашел, ибо Рахиль, усевшись в своем шатре на идолах, заявила отцу, что она не может встать: «У меня обыкновенное женское». Тогда Иаков рассердился на Лавана и сказал ему: «Если б не был со мною бог отца моего, бог Авраама и страх Исаака; ты бы теперь отпустил меня ни с чем. Бог... вступился за меня вчера». В заключение они помирились и вступили в союз, свидетелем которого был призван «бог Авраамов и бог Нахоров... бог отца их». А Иаков поклялся «страхом отца своего Исаака» (Бытие, гл. XXXI).

Чему же нас учит этот рассказ? А вот чему. Лаван — внук Нахора и правнук Фарры — был идолопоклонником. Но Лаван, да и Иаков вовсе не были отступниками от веры отцов своих, иначе они не ссылались бы в закрепление своего союза на бога своих дедов Авраама и Нахора, бога Фарры — «отца их». Значит, и те «боги», которым, по слову Библии, слу-

жили издревле Фарра со своим родом, были тоже *идолами*. В то же время мы видим, что даже у таких близких родственников, как Лаван и Иаков, имеются у каждого свои *особые* семейные боги-покровители. Иаков почитает и идолов Лавана за богов, а Рахиль даже крадет и укрывает их, но своим специальным заступником он признает не их, а «бога», или «страха», отца своего Исаака, который всегда с ним и которым он клянется в торжественные минуты. Лаван тоже имеет и чтит своих собственных семейных богов, хотя побаивается иной раз и бога отца Иакова (Бытие, XXXI, 29). В свидетели же союза призываются не боги Лавана и не страхи Иакова, а, очевидно, равно почитаемый ими обоими бог отца Авраама и Нахора, то есть бог общего их прадеда — Фарры. Этот общий для них родовой божок Фарры, как видно, весьма мало напоминал собою того «великого, сильного и страшного» бога Израиля (Второзаконие, X, 17), какого рисовали себе отдаленные потомки Фарры. И Навин не без оснований утверждал, что Фарра за рекою служил *иным* богам. Однако мы знаем, что этот божок Фарры был богом и Аврааму с Нахором, а бог Авраама стал страхом Исаака и богом Иакова. И вот по мере того, как племя Авраама умножалось и вырастало в целый народ, изменялись и его представления о боге. Семейный «бог Авраама, Исаака и Иакова», как его очень часто называет Библия, мало-помалу стал национальным «богом евреев» (Исход, III, 18). Маленький «страх Исаака» вырос в великое страшилище всего Израиля.

Как же это случилось? Каким путем «избранный народ» пришел от идолопоклонства к понятию единого всемогущего бога?

Представить себе это нетрудно. Конечно, это произошло не сразу. Несомненно, что у каждого из потомков Авраама очень долго были в ходу свои, особые семейные боги-покровители. Их-то, по-видимому, и имеет в виду закон Моисея об освобождении рабов-иудеев в юбилейные годы. Если раб добровольно откажется уйти на волю, «то пусть господин его приведет его пред богов,— гласит этот закон,— и поставит его к двери... и проколет ему... ухо шилом, и он останется рабом его вечно» (Исход, XXI, 6). Едва ли возможно

сомнение в том, что здесь идет речь о домашних идолах. Но такие домашние боги и годились лишь для домашнего обихода. Когда же требовалось сослаться в чем-нибудь на бога или закрепить что-либо его именем в сношениях со своими соплеменниками за пределами дома, то поневоле приходилось ссылаться, подобно Лавану с Иаковом, на таких богов, имена которых говорили бы уму и сердцу всех соплеменников. Приходилось, стало быть, называть имя бога родоначальников племени Авраама, Исаака и Иакова. Бог Авраама, Исаака и Иакова становился, таким образом, самым популярным из племенных богов. Как Авраам был отцом и владыкой своего племени, так и бог Авраама, в представлении патриархального народа, становился отцом и владыкой всех прочих богов племени, пока не вырос окончательно в «бога богов и владыку владык» (Второзаконие, X, 17; Навин, XXII, 22). Такова первая ступень в развитии идеи единого бога.

26. Облик божий

На этой ступени развития религиозные понятия были еще очень грубы. Так, например, заурядные боги творят еще, по этим понятиям, зачастую неправду, а бог богов чинит над ними свой суд и расправу. «Бог стал в сонме богов,— рисует нам такую сцену Библия,— среди богов произнес суд: Доколе будете вы судить неправедно и оказывать лицеприятие нечестивым?.. Я сказал: вы — боги, и сыны всевышнего — все вы, но вы умрете, как человеки» (Псалтирь, 81, 1—2, 6—7) [1].

Впрочем, эти «сыны всевышнего» не только способны были «оказывать лицеприятие нечестивым». Им вообще присущи были все человеческие страсти. «Когда люди начали умножаться на земле,— читаем мы, например, в Книге Бытия,— и родились у них дочери, тогда *сыны божии* увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал... В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны божии стали

[1] Выдумки попов о том, не следует ли здесь под словом «боги» разуметь судей, совершенно произвольны. Судей Библия так и называет судьями.

входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им...» (Бытие, VI, 1—2, 4).

Не менее грубо и аляповато, по своему собственному образу и подобию, представляли себе потомки Авраама и самого «бога богов». «Во время прохлады дня» этот бог прохаживается по раю (Бытие, III, 8). Когда ему в жертву сжигали животных, он «обонял... приятное благоухание» (Бытие, VIII, 21). Иной раз, должно быть ради развлечения или от скуки, бог не прочь и подраться с кем-нибудь из смертных. Так, например, этот всемогущий отец богов «до появления зари» безуспешно борется с Иаковом и, увидев, что не одолевает его, повреждает ему бедро и просит: «Отпусти меня: ибо взошла заря» (Бытие, XXXII, 24—26). В довершение всего этот бог рисуется нам Библией в сапогах. «На Едома простру сапог мой...» — грозится он в одном из псалмов (Псалтирь, 107, 10). Как видно, «бог богов» вовсе не походил своими привычками и внешностью на бесплотного духа.

Еще грубее рисовался он своим поклонникам с духовной стороны. Из рая, например, бог изгоняет Адама, по Библии, вовсе не за ослушание своей воли, как это принято теперь истолковывать, а из боязни, что тот, вкусивши от древа познания добра и зла, обретет и бессмертие и сам станет богом. «И сказал господь бог: вот, Адам стал, *как один из нас* (то есть *из богов! — С. С.*), зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от древа жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно» (Бытие, III, 22). Сотворив человека, бог очень скоро раскаялся в этом и грозит: «Истреблю с лица земли человеков, которых я сотворил... ибо я *раскаялся,* что создал их» (Бытие, VI, 6—7) [1].

Что же касается правосудия, то у национального «бога Израилева» было, как и следует ожидать, по меньшей мере, две правды: одна для «избранного народа», а другая для иноземцев. «Иноземцу отдавай

---

[1] В другой раз, значительно позже, «господь раскаялся, что воцарил Саула над Израилем». Но к этому времени понятия о боге стали уже значительно возвышеннее, и это раскаяние почти рядом со словами Самуила «Не скажет неправды и не раскается верный израилев; ибо не человек он, чтобы раскаяться ему» звучит резким противоречием (1 Царств, XV, 35, 29).

в рост, а брату твоему не отдавай в рост»,— предписывает, например, закон божий Израилю (Второзаконие, XXIII, 20). «Не ешьте никакой мертвечины; *иноземцу... отдай ее,* он пусть ест ее, или продай ему; ибо ты народ святой...» (Второзаконие, XIV, 21). И в рабство брата твоего не обращай на веки, но покупай себе рабов *у народов, которые вокруг вас,* и «вечно владейте ими» (Левит, XXV, 39—46).

Как видит читатель, иноземцев «святой народ» мог, отнюдь не теряя своей святости, и обирать посредством ростовщичества, и порабощать навеки, и кормить их дохлятиной. «Богу евреев» было мало дела до иноземцев.

Впрочем, не до всех. К тем из них, которые являлись национальными врагами «избранного народа», он совсем не равнодушен. К ним он прямо беспощаден. «Не оставляй в живых ни одной души» из них, предписывает закон божий Израилю, перечислив целый ряд народов (Второзаконие, XX, 16). «Иди и порази Амалика,— говорит господь Саваоф Саулу,— ...и не давай пощады ему, но предай смерти от мужа до жены, от отрока до грудного младенца». Когда же Саул оказывается милостивее своего бога и, истребив всех амаликитян, щадит их царя Агага, господь «кается», что воцарил Саула, а верный слуга божий Самуил исправляет ошибку Саула, собственноручно разрубая Агага «перед господом в Галгале» (1 Царств, XV, 3, 33).

Люди не имели еще тогда представления о боге, чуждом лицеприятия ко всем народам. Божок — покровитель рода Авраама вырос вместе с этим родом в бога — покровителя целого народа, но не больше. Этот бог одобряет или осуждает не то, что хорошо или худо с общечеловеческой точки зрения, а только то, что выгодно или невыгодно для «избранного» народа. Поэтому нет такого предательства и вероломства, которое, если оно только служило на пользу Израилю, не восхвалялось бы и не поощрялось в книге закона бога Израилева. Вспомним, например, награду блуднице Раав за измену своему народу сокрытием у себя в Иерихоне соглядатаев Иисуса Навина. Вспомним восхваление Иаили за то, что та предательски заманила к себе Сисару, военачальника ханаанского, и убила

его сонного, вонзив кол в висок. Сисара был в мире с племенами Иаили, но он воевал с Израилем, и этого довольно: «Да будет благословенна между женами Иаиль» (Навин, VI; Судей, V, 24).

Даже самое явное мошенничество на корысть избранному народу не претило национальному «богу евреев». «И сказал господь Моисею: еще одну казнь я наведу на фараона... Когда же он... с поспешностью будет гнать вас отсюда, внуши народу (тайно), чтобы каждый у ближнего своего и каждая женщина у ближней своей выпросили вещей серебряных и вещей золотых (и одежд)»... «И дам народу сему милость в глазах египтян; и когда пойдете, то пойдете не с пустыми руками: каждая женщина выпросит у соседки своей и у живущей в доме ее... и оберете египтян». Дело было к пасхе. Израиль выпрашивает у египтян дорогую утварь и одежды, очевидно, под предлогом этого праздника. «И они давали ему, и обобрал он египтян» (Исход, XI, 1—2; III, 21—22; XII, 36).

Так представляли себе некогда «всемогущего бога» даже религиознейшие люди своего времени.

27. Жрецы и единобожие

И нужно сказать, что этот бог, адвокат и потатчик одного лишь народа, очень не скоро дорос в глазах своих почитателей до роли праведного судии всего мира. Даже в такой мировой религии, как христианство, это случилось не сразу. Так, например, Иисус, избрав двенадцать апостолов, говорит им: «На путь к язычникам не ходите и в город самарянский не входите, а идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева...» «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева»,— говорит Иисус и хананеянке, молящей его об исцелении дочери,— «не хорошо взять хлеб у детей и бросать псам» (Матф., X, 5—6; XV, 24, 26).

Но подобные понятия не могли удержаться в христианстве, которое сложилось сначала как религия всех «трудящихся и обремененных». Богатым оно угрожало, что легче верблюду пройти сквозь игольные уши, чем богатому войти в царство небесное, а нищим сулило блаженство. Вспомним притчу о богатом и Лазаре. О личных их грехах и заслугах там нет и речи.

Богатый наслаждался в земной жизни?.. И довольно — он идет в ад. Нищий Лазарь страдал? Этого достаточно, ему открыты врата рая. Такая классовая религия не могла ограничиться рамками одного народа. Она распространялась повсюду, где только были богатые и бедные и классовое угнетение одних другими, а потому с первых же своих шагов она стала межнациональной. И тогда отпадает деление народов на детей божиих и псов. «Истинно познаю,— говорится в писании,— что бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся его и поступающий по правде приятен ему» (Деяния, X, 34—35). Такова дальнейшая ступень представлений о боге.

На этой ступени развития, как мы знаем, нет уже «бога богов», потому что вообще «нет иного бога, кроме единого». Но куда же девались все остальные боги? Как объяснить этот скачок от многобожия к единобожию? Для этого нам придется вернуться несколько назад.

Скачка, конечно, не было. Все происходило постепенно. По мере того как умножалось племя Авраама, росло и значение его бога. Но если для умилостивления домашних богов не требовалось особых жрецов, так как каждый глава семьи сам «ходил перед лицом» своего бога, то для служения и жертвоприношений племенному богу богов скоро потребовался целый штат специалистов. Из народа выделилась целая жреческая каста левитов. Служили они, конечно, только имени бога Авраама, так как соответствующий идол — покровитель рода, очевидно, ничем не выделялся из среды прочих идолов и очень рано затерялся среди них в потомстве Авраама[1]. Но это отсутствие всем доступного вещественного бога было только на руку левитам. Бог, известный всему народу только по имени и объявляющий свою волю всегда через особых избранников, был для них гораздо сподручнее. Вот почему они уверяли, что никто не может видеть лицо

---

[1] У Исаака, впрочем, по всей видимости, был еще такой идол. Жена его Ревекка «*пошла* попросить господа», когда это ей потребовалось (Бытие, XXV, 22), но идти к «вездесущему» богу ей, конечно, не было нужды. Ясно, стало быть, что она *пошла* попросить *идола*, занимавшего определенное место в их жилище или особой кумирне.

господа и остаться в живых (Исход, XXXIII, 20). Да и разговаривал господь с народом, по их изображению, не иначе как среди пламени громовыми раскатами. Вспомните библейский рассказ о явлении бога народу на горе Синай. Тут «были громы, и молнии, и густое облако над горою», «и восходил от нее дым, как дым из печи, и вся гора сильно колебалась». Происходило, по-видимому, самое обыкновенное извержение вулкана. Но оно было выдано за чудесное явление бога, и запуганный народ добровольно отказался в пользу левитов от сомнительного удовольствия лично беседовать с таким страшным богом (Исход, XIX, 16—18; XX, 18—19).

Этого только и нужно было жрецам. Захватив в свои руки монополию говорить с таким недоступным массам народа господом и законодательствовать от его имени, они очень скоро стали хозяевами положения, бесконтрольно управляя всеми делами народа. Достигалось это примерно так. «А сынам Левия,— говорит верховный истолкователь воли бога от его имени,— вот, я дал в удел десятину из всего, что у Израиля, за службу их» (Числ., XVIII, 21). И народ послушно нес жрецам — левитам требуемую десятину, богу же возносилась, конечно, лишь «десятина из десятины».

Чтобы упрочить за собою такое положение, которое всецело зависело от влияния на народ того бога, которому они служили, левиты, естественно, должны были умалять значение всех остальных богов-соперников. И вот они объявляют, что бог Авраама, Исаака и Иакова — «бог-ревнитель», то есть ревнующий к славе иных богов. «Ты не должен,— заключают они отсюда именем господа,— поклоняться богу иному, кроме господа (бога); потому что имя его — «ревнитель», он — бог-ревнитель» (Исход, XXXIV, 14).

Бог-ревнитель так же, как и бог богов, конечно, вовсе еще не устраняет представления об иных богах. Их существование здесь еще не отрицается. Воспрещается лишь поклонение им. Но все же это был уже решительный шаг к полному их отрицанию, ибо боги без поклонения им — это уже только тени богов. И действительно, со временем одни из них оказались забытыми, другие же, вроде, например, «Вельзевула, божества Аккаронского», стали, в представлении на-

рода, дьяволами, и на сцене остался один бог-ревнитель.

Конечно, прежде чем левиты провели в жизнь свое запрещение поклоняться своим и чужеземным идолам, им пришлось выдержать упорную и продолжительную борьбу. Но они готовы были на все ради упрочения своего господства. Бог-ревнитель был беспощаден к своим соперникам. «Возложите каждый свой меч на бедро свое, пройдите по стану от ворот до ворот и обратно, и *убивайте каждый брата своего, каждый друга своего, каждый ближнего своего»*. Так говорит господь бог Израилев, устами Моисея, левитам после одной из попыток народа сделать себе *иного* бога, который шел бы перед ним. «И пало в тот день из народа около трех тысяч человек» (Исход, XXXII, 27—28).

Столь же печально кончилась и другая попытка восстания против захвативших монополию святости Моисея и Аарона. «Полно вам,— говорили возмутившиеся,— все общество, все святы, и среди них господь! Почему же вы ставите себя выше народа господня?» Но сила оказалась не за ними. Мятежники, будто бы по чуду божию, потерпели жестокое «поражение»: зачинщики якобы провалились сквозь землю, а из остальных «умерло от поражения четырнадцать тысяч семьсот человек» (Числ., XVI, 3, 49).

Еще хуже приходилось от властных жрецов бога Израиля жрецам и пророкам чужих богов. Пророк Илья один «отвел», по словам Библии, «четыреста пятьдесят пророков Вааловых и четыреста пророков дубравных» «к потоку Киссону, и заколол их там» (3 Царств, XVIII, 19, 40).

Допустить поклонение *чужим* богам и делиться с их служителями своим влиянием вовсе не входило в расчеты левитов, и они отнюдь не стеснялись оправдывать именем своего бога даже цареубийства, если цари, уклоняясь от их влияния, пробовали поклоняться чужеземным богам [1].

[1] Так, например, когда Ииуй убил своего царя Иорама, поклонявшегося Ваалу, то, по словам Библии, это было «праведно» в очах господа, и он наградил Ииуя. Правда, Ииуй и сам «не отступал... от золотых тельцов, которые в Вефиле и которые в Дане», но доморощенные «тельцы», видно, были не так опасны левитам, как чужеземный Ваал (4 Царств, X, 19, 29—30). Сравни историю с «Вельзевулом, божеством Аккаронским» (4 Царств, I).

Так мало-помалу, путем грознейших предписаний против поклонения иным богам, издаваемых от имени «бога-ревнителя» (например, Второзаконие, XIII), и беспощадной борьбы с их нарушителями левиты подготовили народ к восприятию идеи единого бога.

Но в Ветхом завете эта идея не нашла еще своего полного выражения. Там до конца господствует все та же грозная фигура бога-ревнителя. Великий и страшный, мстящий своим врагам до четвертого поколения, он не мог, конечно, вызвать к себе особенной любви в народе. Но он внушал безотчетный ужас, и этого было достаточно левитам. Они могли издавать от его имени сколько угодно самых мелочных и нелепых предписаний,— все они становились нерушимыми заповедями божиими.

«Не стыдись... окровавить ребро худому рабу», но «стыдись и облокачивания на стол...» — предписывали они Израилю чуть не залпом (Сирах., XLII, 1—5; XLI, 24). И Израиль послушно стыдился и не стыдился. Щедрые на предписания левиты не давали ему ступить и шагу, не рискуя споткнуться на какую-нибудь заповедь. Даже отправляясь туда, куда и царь пешком ходит, бедный Израиль должен был помнить особую заповедь божию: «Должна быть у тебя лопатка,— гласит заповедь,— и когда будешь садиться вне стана, выкопай ею (яму), и опять зарой (ею) испражнение твое» (Второзаконие, XXIII, 13). И Израиль без спора «садился» и послушно «зарывал» все, что следует по писанию. Да и как ему было ослушаться?

«Если же не послушаете меня и не будете исполнять всех заповедей сих,— грозил ему сам господь, бог вседержитель, устами левитов,— то и я в ярости пойду против вас». «Пошлю на вас ужас, чахлость и горячку, от которых истомятся глаза и измучится душа, и будете сеять семена ваши напрасно, и враги ваши съедят их... Пошлю на вас зверей полевых, которые лишат вас детей, истребят скот ваш и вас уменьшат. И наведу на вас мстительный меч»... и моровую язву, и египетскую проказу, и почечуй, и коросту, и прочее, и прочее, и прочее (Левит, XXVI; Второзаконие, XXVIII).

Возможно ли тут было ввиду стольких страстей дерзнуть облокотиться на стол, не устыдившись, или усесться для известной надобности не по писанию?

Как ни «спасителен», однако, страх господень, но на одном страхе далеко не уедешь. В загробное существование и загробное воздаяние добрым и злым тогда еще не верили. И в религиозные души при виде царящей в этом мире неправды стали закрадываться, несмотря на страх господень, всеразъедающие сомнения.

28. Загробное воздаяние

«Для чего не умер я, выходя из утробы?..— вопрошал уже многострадальный Иов.— Теперь бы лежал я и почивал... я не существовал бы, как младенцы, не увидевшие света». «Для дерева есть надежда, что оно, если и будет срублено, снова оживет... а человек умирает, и распадается; отошел и где он?» «Почему беззаконные живут, достигают старости, да и силами крепки?.. Проводят дни свои в счастии, и мгновенно нисходят в преисподнюю?.. Скажешь: «бог бережет для детей его несчастье его». Пусть воздаст он ему самому, чтобы он это знал... ибо какая ему забота до дома своего... когда число месяцев его кончится?..» «Межи передвигают... бедных сталкивают с дороги... Нагие ночуют без покрова... в городе люди стонут, и душа убиваемых вопиет, и *бог не воспрещает того»* (Иов, III, 11, 13, 16; XIV, 7, 10; XXI, 7, 13, 19, 21; XXIV, 2, 4, 7, 12).

«Сыны человеческие,— восклицает другой проповедник,— сами по себе животные, потому что участь сынов человеческих и участь животных — участь одна; как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом». «Праведник гибнет в праведности своей; нечестивый живет долго в нечестии своем». «Кто находится между живыми, тому есть еще надежда, так как и псу живому лучше, нежели мертвому льву. Живые знают, что умрут, а *мертвые ничего не знают,* и уже нет им воздаяния»... «И обратился я, и видел под солнцем, что не проворным достается успешный бег, не храбрым — победа, не мудрым — хлеб, и не у разумных — богатство, и не искусным — благорасположение, но

время и случай для всех их» (Екклесиаст, III, 18—19; VII, 15; IX, 4—5, 11).

Когда такие мысли возникают и ширятся в народе, они предвещают близкий конец влиянию жреческой касты. Ей остается тогда либо изобрести что-нибудь новое для успокоения возмущенной совести мирян, либо ждать их бунта против своего бога и его служителей. Но бунт без положительной цели, без нового идеала взамен разбитых верований не принес бы такого успокоения. И сами миряне гораздо охотнее готовы были, по тому времени, воспринять всякий новый, вольный или невольный, обман, способный дать им удовлетворение, чем отважиться на открытый разрыв с отживающими обманами. Пришло время, и они получили такое удовлетворение в учении о загробном воздаянии.

— Неужели же нет правды у бога? — вопрошали себя обездоленные.— Неужели же наши мучители так и останутся без воздаяния, а трудящиеся и обремененные — без награды? Нет,— решали они.— Не может этого быть. Если нет правды в этой жизни, то есть, стало быть, какая-то другая, загробная жизнь, где каждый — и добрый, и злой — получит наконец по делам своим.

Такой ход мыслей столь естествен у людей, чувствующих себя бессильными отвоевать для самих себя правду жизни, что учение о рае и аде и загробном воздаянии возникало не раз у многих народов, хотя лишь в христианстве оно нашло свою наиболее развитую форму. Дело в том, что из страданий и зол окружающей жизни люди всегда строят себе идеал *лучшей* будущей жизни и так или иначе стремятся воплотить его в действительность. Когда же они *бессильны* сделать это сами, они хватаются, как за якорь спасения, за веру в помощь сверхъестественных сил. Их идеал становится воздушным замком, золотой мечтой, ради спасения которой они готовы даже на перенесение своего идеала в несуществующий загробный мир.

Такими бессильными, в указанном смысле, элементами общества и были в свое время те рабы и нищие, в среде которых зародилось христианство. Как же им было не радоваться учению, по которому царствие божие должно было прийти без всякого их содей-

ствия, путем божественного вмешательства, и притом прийти так скоро, раньше даже их смерти? «Истинно говорю вам,— провозглашал Христос,— есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят царствие божие, пришедшее в силе...» «Не прейдет род сей, как все сие будет» (Марк, IX, 1; Матф., XXIV, 34). «Мы, живущие, оставшиеся до пришествия господня, не предупредим умерших, потому что... мертвые во Христе воскреснут прежде, потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение господу»... «Время уже коротко...» «Еще немного, очень немного, и грядущий придет и не умедлит»... И все «дадут ответ имеющему вскоре судить живых и мертвых... близок всему конец» (1 фессал., IV, 15—17; 1 коринф., VII, 29; Евреям, X, 37; 1 Петра, IV, 5, 7).

Это учение давало угнетенным и обираемым силу терпеть и ждать. И потому оно было весьма утешительным для бедняков. Но... за веками века проходили чредой, рабы и нищие все терпели в ожидании близкого царствия божия и умирали, ничего не дождавшись, поколение за поколением. А обещание царствия божия, которое должно было, по слову Иисуса, прийти в силе еще при жизни апостолов, остается и поныне, вот уже второе тысячелетие, все еще неоплаченным векселем — невыполненным обещанием. Правда, попы и сейчас готовы твердить неизменно все свое: потерпите еще немного, очень немного. Но тем временем коренным образом изменились формы жизни. Современный трудящийся не нуждается в спасительных обманах. Ему уже ни к чему утешительные басни о загробном воздаянии. Он стряхивает с себя повсюду цепи неволи и воздает, таким образом, должное себе не в мечтах, а на деле.

Но тем важнее стала теперь эта сторона христианского учения для богатых. Для них это по нынешним временам лучший громоотвод. Терпите, терпите, твердят они своим жертвам, то и дело ссылаясь на писание. «Доброе и худое, жизнь и смерть, бедность и богатство — от господа» (Сирах., XI, 14). Если вам теперь худо, не огорчайтесь. Тем лучше вам будет в будущей жизни. Если нам здесь живется не дурно, не завидуйте. Тем хуже нам будет на том свете. Там

уж всякий получит свое: одни — вечное блаженство, другие — вечные муки. Терпите же, ибо только претерпевший до конца спасется.

Рабочий класс на целую голову перерос, однако, такие грубо наивные басни. Создавая такой общественный строй, в котором все могут прекрасно жить и развиваться, нынешний передовой рабочий скажет в ответ на эти речи:

— Не соблазняйте нас вашей загробной жизнью. Вы и ее рисуете по образцу капиталистического рабства. Вы говорите, что и там одни будут блаженствовать, другие же терпеть лютые муки. Мы добровольно отказываемся от такого блаженства. Как могут ваши праведники блаженствовать в раю, зная, что в то же время их братья терпят в аду неизмеримые муки? Разве они думают только о себе, как это делаете вы, блаженствуя здесь, на земле? Нет, не надо нам вашего рая. Мы устроим себе рай *на земле.* Но в жизни, которую *мы* устроим, не будет ни овец, ни козлищ, ни угнетенных, ни угнетателей. В ней все получат возможность одинаково широкой и полной, одинаково радостной жизни...

Вы скажете, что не может же бог оставить одинаково без воздаяния и добрых и злых. А мы на это ответим: почему же ваш бог, всеблагий, всеведущий и всемогущий, творец добрых и злых, не создал *всех* людей добрыми? Если он не мог этого сделать, значит, он не всемогущий, а если не хотел, значит, не всеблагий. Почему, в самом деле, в мире столько зла и страданий, если его создал бог всеблагий и всемогущий?

Вы скажете, что зло в мире не от бога, а от дьявола. А мы вам ответим: разве дьявол сильнее бога? Разве он создан не тем же богом? Зачем же, по ошибке что ли, создал бог этого «отца лжи»? Или бог не всеведущ? И затем, по чьей воле сатана творит зло в мире, по своей собственной или по воле божией? Если по своей, то почему же бог не лишит его власти причинять зло? Или он не всемогущ? А если по воле божией, то зачем же бог велит ему делать зло? Или он не всеблаг?

Вы скажете, что сатане предоставлена власть искушать, а людям — свободная воля для того, чтобы

лучше испытать добрых и злых, а затем воздать каждому по заслугам. А мы вам ответим: разве бог без испытания не в силах отличить добрых от злых? Вы называете бога отцом. Но как назвали бы вы *отца,* который, видя в руках пятилетнего сына бритву, занесенную над горлом такого же малыша-братишки, не отнял бы ее под тем предлогом, что он не хочет лишать своих детей «свободной воли»... причинять зло друг другу? Пусть бы он прибавил к этому в свое оправдание, что если, дескать, Митя прирежет Ваню, то он его накажет примерно, и справедливость будет восстановлена. Как бы вы назвали такого отца? Не извергом ли или помешанным? Но вы именно такую роль приписываете вашему богу.

Нам не надо ни такого, ни любого другого бога. И, сказав так, рабочий, несомненно, будет прав.

Если господь бог всеблаг, то зачем он допускает зло? Ссылка на свободную волю людей ровно ничего в этом отношении не объясняет. Ведь всемогущий бог, если он не хотел уж *всех* людей создать добрыми, мог бы по крайней мере устроить жизнь так, чтобы и при полной свободе *желать* зла люди злой воли самими условиями жизни лишены были власти *делать* его. Или всеведущий бог не мог додуматься даже до того, до чего додумались рабочие-социалисты? Но ссылка на свободную волю звучит прямо злой насмешкой, когда мы узнаем из писания, что вся судьба человека предопределена богом прежде даже, чем он родится.

Про сыновей Ревекки, например, написано: «Когда они еще не родились и не сделали ничего доброго или худого... сказано было ей: «больший будет в порабощении у меньшего»... «Иакова я возлюбил, а Исава возненавидел» (Римл., IX, 11—13).

За что же это бог авансом возненавидел неродившегося Исава? Разве тот не мог оказаться и добрым, так же как и злым, если ему была дана свободная воля? А если нет, если бог заранее уж предопределил ему родиться со злой волей, то кого же надо винить в этом и ненавидеть? Исава или бога? Можно ли признать всеблагим или даже только праведным бога, который карает и ненавидит людей за то, что они таковы, какими он сам их создал? Конечно, нет.

Но этого бога, несовершенство которого очевидно даже для нас, простых смертных, можно ли принимать серьезно? Конечно, нет. Пусть им пугают ворон, если угодно. Для иной цели в наш век свободной мысли он уже не может рассчитывать на признание.

29. Зачем выдуман бог

— Безумцы! — воскликнет тут какой-нибудь фарисей.— Вы не верите в бога. Вы не понимаете, что он так необходим человечеству, что, если бы его и в самом деле не было, его следовало бы выдумать. Ведь не будь у людей страха перед вездесущим и всевидящим богом, который запрещает делать зло ближним и от которого не спрячешься, так ведь тогда все было бы позволено человеку... И встал бы брат на брата, и все стали бы убивать друг друга, и пришел бы конец миру.

— Напрасно вы думаете,— должно ответить такому фарисею,— что лишь узда страха божия удерживает людей от взаимного истребления. Живут же, не истребляя себе подобных, чуждые всякой религии дикие звери. Так неужто же люди оказались бы глупее ослов или свирепее тигров?

Из одного лишь соображения собственной пользы, из инстинкта самосохранения, не говоря уже о более высоких побуждениях, люди сумели бы устроить свою жизнь таким образом, чтобы избежать взаимного уничтожения.

Что же прибавляет к этому страх божий? Защищает ли он бедных и немощных от богатых и властных? Ничуть. Наоборот, он служит щитом лишь богатым от бедных и угнетателям от угнетенных. И каким еще щитом! Самая всеведущая полиция и наиболее вездесущие шпионы не защитили бы так угнетателей и эксплуататоров от справедливого возмездия их жертв, как глубокая вера их в необходимость, выполняя волю всевышнего, все претерпеть в этой жизни ради загробного воздаяния.

Это превосходно понимал тот мудрец, который утверждал, что бога следовало бы выдумать. Он знал, для чего его выдумывают. Если бы ему, подсмеивался этот мудрец, имея в виду одного ученого-вольно-

думца, если бы ему пришлось управлять чернью, он живо бы ввел в своих владениях какую-нибудь религию.

Итак, религия необходима для управления чернью? Страх божий может заменить собою действие многочисленной полиции и жандармерии? Так что ли, господа фарисеи? Конечно, так. Мы вас вполне понимаем. Бог и черт с их посулами рая и угрозами ада на полицейской службе у современных иродов и пилатов — вот картинка, достойная пера великого сатирика.

Но оставим фарисействующих иродов с их полицейским богом и обратимся к искренне верующим. Верующие чтят в боге, конечно, не полицейского стража, а законодателя добра. Они убеждены, что без помощи бога люди не могли бы отличать добра от зла, и на этом именно зиждется их вера в бога — добро.

Но так ли это? Чем руководствуемся мы в различии добра и зла? Велениями бога? А что, если бы бог велел все то, что мы почитаем добром, переименовать во зло и наоборот? Мог бы человек последовать такому велению? Стал бы он любовь к ближнему почитать за смертный грех, а убийства, грабежи и насилия — за добродетель? Вы скажете, что всеблагой бог не может издать таких велений. Но ведь обобрать египтян и истребить вплоть до грудных младенцев Амалика повелел, по свидетельству Библии, *бог*. Так вот, признаем ли мы такие деяния добрыми? Нет, не признаем. А если это так, то не все, стало быть, хорошо, что велит бог. Человек отличает добро от зла, вовсе не считаясь с велениями бога. Нравственность имеет не божественное, а общественное происхождение. Она возникла в человеческом обществе задолго до появления религии.

Способность отличать добро от зла, становясь в этом отношении судьей хотя бы самих богов, с древнейших времен присуща каждому человеку. Будучи животным общественным, человек очень рано приучился различать все то, что полезно обществу, от того, что ему вредно, и первое стал называть добром, а второе — злом.

Конечно, с развитием общественной жизни развивались и моральные понятия, весьма различные для разных времен и разных общественных классов. И ны-

не, например, моральные понятия сознательных рабочих значительно превосходят те, какие две тысячи лет тому назад запечатлелись в евангельской морали.

30. Евангельская мораль

В самом деле. Какой морали учит религия, в частности Новый завет? «Не мстите за себя, возлюбленные»,— читаем мы там. Почему же не мстить? Потому ли, что месть — зло? Нет. Не мстите потому, что бог отомстит за вас: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу божию, ибо написано: «Мне отмщение, я воздам»». «Итак, если враг твой голоден,— накорми его, если жаждет,— напой его; *ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья»* (Римл., XII, 19—20). Вдумайтесь в эти слова. К чему это призыв? К отказу от мести или к наиболее жестокой мести? К добрым или злым чувствам обращен этот призыв? Читаем далее: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас» и т. д. Почему? Потому ли, что это добро? Нет, но для того, чтобы иметь заслугу перед богом и получить от него награду,— «ибо, если вы будете любить любящих вас,— какая вам награда? Не то же ли делают и мытари?» (Матф., V, 44, 46). Далее следуют заповеди о том, чтобы творить все добрые дела тайно, не трубя о них по-фарисейски в синагогах и на улицах. А за ними опять тот же припев: «Иначе не будет вам награды от отца вашего небесного». Твори добро тайно, «и отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Матф., VI, 1—4). Далее следует заповедь всепрощения с тем же припевом: «Ибо, если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам отец ваш небесный» (Матф., VI, 14—15).

По этой морали человек соблюдает заповеди добра не из бескорыстной любви к добру, а из шкурного страха возмездия или ради награды. Но такое добро, творимое из корысти, ради райских утех, или из-под палки, под страхом ада,— сомнительное добро. На такое добро способны и мытари, и фарисеи. Вот к какому выводу пришли чуткие к правде сердца трудящихся. И это лучший признак того, что религиозная мораль доживает свои последние дни. На смену ей

пришла новая, коммунистическая мораль, мораль борцов за братство и свободу, борцов за социализм и коммунизм. Эта мораль воспитывается в *коллективной борьбе* против эксплуататоров, в *коллективном строительстве* нового, светлого общества, успех которого был бы совершенно немыслим без взаимной поддержки и жертв во имя общих идеалов грядущего человечества. Сторонники этой морали окончательно разрушили своей критикой мнимые устои ада и рая, и люди могут теперь творить добро бескорыстно, из одной лишь братской любви к ближним. И только теперь, уже на развалинах ада и рая, под которыми погребена навеки худосочная *мещанская* мораль «долга» и «расплаты», они успешно воздвигают прочный фундамент для своей — яркой, как солнце, и здоровой, как сама природа,— бескорыстной коммунистической морали, без узды и арапника.

Конечно, люди, нищие духом, не сразу смогут примириться с такой свободной моралью без долга и расплаты, без бога и черта. Если нет бога, лепечут они растерянно, то кто же сотворил мир? Ведь всякая вещь имеет своего творца и начало? Но нищих духом мы спокойно можем оставить при их «блаженстве» нищеты духовной. Ведь они не поймут нас, если мы их спросим: а откуда же взялся бог, если все должно иметь своего творца и начало? Кто же и когда создал бога? Если же, по-вашему, бог не имел ни творца, ни начала, значит, *не все* имеет свое начало. И тогда не разумнее ли допустить, что не бог, а *мир* не имел ни творца, ни начала?..

Нищие духом не поймут этого. Но зато тем лучше поймут нас все смелые умы и пылкие сердца, когда мы им скажем: «Бога никто никогда не видел» (1 Иоанна, IV, 12). И это вполне понятно, потому что никакого бога в природе нет. Можно, конечно, все лучшее, что живет в нашей собственной душе, представить себе как нечто внешнее, поднимающее наш моральный облик над уровнем рядового мещанина-себялюбца, и назвать это лучшее богом. И все же это будет лишь игра слов, или самообман. Никакой внешний авторитет не может внушить нам добрых чувств к людям, если их не рождает в нас повседневно все наше общественное бытие, все наличные условия

труда и быта и *общие* задачи в *общих* интересах всех трудящихся. Там, где нет этих условий и люди «должны» творить добро, повинуясь лишь авторитету церкви или «страху божию», там нет и прочной основы для такой «морали долга». С долгами ведь люди не очень охотно расплачиваются.

И когда люди объективируют эти свои лучшие чувства вне человека и, обожествляя их, поклоняются этому бестелесному призраку бога, они впадают лишь в новую ересь идолопоклонства, где идолом становится сам идеализирующий себя идолопоклонник.

Так скажет человек науки.

31. Выводы науки

Все вышесказанное о священных писаниях христиан каждый грамотный человек может проверить сам, взяв в руки Библию. Но не каждый знает данных современной исторической науки о том времени и конкретной обстановке, в которой получили свое начало эти писания. Изучением этого начального периода развития раннего христианства в его литературных памятниках очень много занимались и профессора богословия, и светские историки. И если не во всем, то во многом пришли в полном согласии к весьма неожиданным для всех верующих выводам. В частности, выяснилось, что основной источник наших сведений о рождении, жизни, смерти и воскресении Иисуса Христа, то есть евангелия и Деяния апостолов, появился не ранее 160—180 гг. нашего летосчисления, то есть около полутораста лет спустя после предполагаемой жизни и смерти Иисуса. Значит, либо авторы этих писаний прожили каждый свыше 150 лет, что совершенно неправдоподобно, либо, назвавшись живыми свидетелями жизни и смерти Иисуса и его любимыми учениками, каким считался, например, в апостольской среде младший из них, Иоанн, они вовсе *не были ими.*

Но можно ли по памяти восстановить дословно, скажем, все речи и проповеди Иисуса, записанные полтораста лет спустя после того, как они прозвучали? Еще меньше можно положиться на достоверность событий, передаваемых из уст в уста в течение нескольких поколений. В особенности, если эти авторы,

всуе выдавая себя за современников описанных событий, не были ими. Уклонившись от истины в одном случае, они сами заставляют сомневаться в своем правдолюбии и во всех других своих свидетельствах.

Книгопечатания в те времена еще не было. Рукописные сочинения при многократной их переписке искажались описками, пропусками слов и домыслами малограмотных переписчиков, а также тенденциозной правкой редакторов до неузнаваемости. Но за первые *десятилетия* жизни христианских общин от них не сохранилось *вообще никаких рукописей.* Да и предположить их трудно, учитывая, что первые проповедники новой веры — рабы, ремесленники и прочий угнетенный люд — едва ли были шибко грамотны. Заслуживает также особого внимания, что все эти апостолы Иисуса были иудеями, а все священные книги Нового завета, включая евангелия, апостольские деяния и послания, написаны на чуждом им греческом языке. При этом некоторые из авторов этих книг обнаруживают свое знакомство не только с греческим языком, но и с греческой философией.

В частности, послания апостола Павла к филиппийцам, колоссянам, эфесянам и фессалокинийцам, открытые впервые в собрании «еретика» Маркиона не ранее 139 г. н. э., несомненно заключают в себе элементы греческой философии («гносис») и по этой примете не могли быть написаны раньше 30-х годов II века. Но апостола Павла, известного в качестве первоучителя язычников, если бы он и существовал в действительности, в эти годы заведомо не могло уже быть в живых. Значит, от его имени эти послания писал кто-то другой, смело выдавая себя за живого свидетеля и участника событий столетней давности, о которых он мог знать разве лишь понаслышке от отцов и дедов. Подобная «смелость» самозванных авторов, по-видимому, соответствовала литературным нравам эпохи, допускавшей и *«благочестивый обман»* верующих, если он служил интересам церкви.

Но «свидетельства» таких авторов нельзя признать образцом достоверности. А между тем никаких других, более достоверных, свидетельств о жизни и деятельности первоучителей и основателей христианской церкви до нас вообще не дошло. И потому не прихо-

дится удивляться, что многие серьезные историки отрицают реальное существование этих легендарных «основателей» христианства. Так, например, академик Р. Ю. Виппер в своем последнем исследовании раннего христианства прямо утверждает, что «миф о Христе и апостоле Павле, как исторических личностях, есть *литературная легенда* второй половины II в. нашей эры»[1].

32. Заключение

В заключение нам хочется еще раз подчеркнуть один из важнейших выводов объективной общественной науки. Изучая историю всех религиозных вероучений и отметая из них все наиболее баснословные вымыслы и суеверия как естественную дань глубокому невежеству той среды, в которой они возникли, нельзя не отметить, что и наиболее рафинированная, утонченная религиозная мысль наших дней чрезвычайно консервативна. Каждый из ее домыслов, освященный «божественным» авторитетом, становится непререкаемой догмой, бесспорным чудом или непостижимым таинством, всякое колебание которых представляется совершенно недопустимым кощунством и святотатством. Отсюда вытекает и общая *инерция застоя* таких вероучений. Отсюда же и крайняя непримиримость таких представлений, как понятие о боге с его застывшими качествами мнимой вечности, неизменности и совершенства, и идеи свободы с ее задачами все изменить, обновить и усовершенствовать. Всякое живое слово и творческую мысль в области познания, перестройки общественных норм поведения или смены самих экономических основ общества религиозная мысль отвергает уже потому, что усматривает в них опаснейшее покушение на монопольные прерогативы божественного промысла. Но промысел этот ничего сам не промышляет.

А между тем мы переживаем эпоху небывалой еще в мире активности и коренных изменений во всех областях человеческого творчества, эпоху перехода от капитализма к социализму, торжества социализма и ком-

---

[1] *Р. Ю. Виппер*, Рим и раннее христианство, М., 1954, стр. 69.

мунизма во всемирном масштабе. «Главная отличительная черта нашего времени,— подчеркивается в «Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий»,— состоит в том, что мировая социалистическая система превращается в решающий фактор развития человеческого общества». Наша страна успешно осуществляет развернутое строительство коммунистического общества. Другие страны социалистического лагеря успешно закладывают основы социализма, а некоторые из них уже вступили в период строительства развитого социалистического общества.

Близится полный крах колониализма. На арену истории выступают все новые народы, активно борющиеся за свою свободу и тем охотнее готовые поддержать лагерь социализма в его мирной политике и энергичной борьбе за всеобщее и полное разоружение всех народов.

А в области науки и техники открываются все новые горизонты небывалых еще достижений разума. Он все глубже проникает в самые недра атомного ядра и в отдаленнейшие глубины Вселенной. Советские ученые без всякой божественной помощи объясняют происхождение жизни на Земле, возникновение новых звездных ассоциаций и всего мироздания. Советские инженеры сами создают все новые и новые спутники и лунники, космические ракеты и планеты и штурмуют ими небо, отправляя их все дальше в глубь Космоса. Снабженные точными приборами, эти космолеты отмечают все достойное внимания на своем пути и способны даже сфотографировать обратную сторону Луны. Венцом наших побед в освоении космоса явился триумфальный полет летчика-космонавта Ю. А. Гагарина на космическом корабле «Восток» вокруг Земли. Весь мир радуется этим успехам человеческого разума и готов расширять его творчество новыми, еще более яркими и смелыми достижениями. И это наводит на размышления даже самых невежественных пустосвятов.

Но тщетно они недоумевают в досаде: как же все эти дерзкие посланцы Земли, спутники и лунники, облетевшие много раз небесные пространства, не наткнулись там ни разу на «небесную твердь» и

не встретили на своем пути ни райских обителей святых небожителей, ни адской черты оседлости в той столь обширной «преисподней», в которой поджариваются миллиарды грешников под присмотром самого сатаны? Им, может быть, и невдомек еще, что за пустые вымыслы человеческой фантазии мудрено реально зацепиться. Но со временем сама жизнь в повседневном опыте всех своих проявлений ликвидирует наиболее устаревшие пережитки бытующих еще суеверий. А культурная работа и упорная идеологическая борьба с такими пережитками лишь ускорят и завершат их ликвидацию.

Творчество осуществимо лишь в условиях свободы. И мы зовем всех к самому свободному и активному коллективному творчеству, которое возможно только на путях построения коммунизма.

СОДЕРЖАНИЕ

Струмилин Станислав Густавович.
БОГ И СВОБОДА. О вере и неверии М., Госполитиздат, 1961
96 с. 2

Редактор *М. Скибицкий*

Художественный редактор *Г. Семиреченко*
Технический редактор *Ю. Мухин*
Корректоры *А. Абовьян* и *Э. Володина*

Сдано в набор 15 февраля 1961 г. Подписано в печать 18 мая 1961 г. Формат 84 × 108[1]/32. Физ. печ. л. 3. Условн. печ. л. 4,92. Учетно-изд. л. 4,8. Тираж 100 тыс. экз. А 03781. Заказ № 2415. Цена 11 коп.

Госполитиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата Министерства культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

11 коп.
ГОСПОЛИТИЗДАТ · 1961